

Монтегю Саммерс

История вампиров

«The Vampire», перевод с англ. Р.Ш.Ахунова

ГЛАВА I

ИСТОКИ ВАМПИРИЗМА

Во всем несобъятном сумрачном мире призраков и демонов нет образа столь страшного, нет образа столь пугающего и отвратительного и в то же время обладающего столь жутким очарованием, как вампир, который сам по себе не является ни призраком, ни демоном, но разделяет с ними их темную природу и наделен таинственными и ужасными качествами обоих. Образ вампира окружен самыми мрачными суевериями, поскольку вампиры — это сущности, не принадлежащие ни к одному из миров: они не являются демонами, ибо последние обладают чисто духовной природой — это совершенно бестелесные создания, т. е. ангелы, как сказано у св. Матфея (XXV, 41), «дьявол и его ангелы»¹. И хотя св. Григорий пишет о слове «ангел»: «*non est officii, non naturae*», т. е. что название говорит не о природе данной сущности, а о ее месте в иерархии, — ясно, что изначально всех ангелов сотворили благими, дабы они выступали в качестве божественных посланников, и что впоследствии падшие ангелы отошли от своего исходного состояния. В рамках официальной доктрины на Четвертом Латеранском Соборе под руководством папы Иннокентия III в 1215 году в качестве официального догмата было принято следующее положение: «*Diabolus enim et alii daemones a Deo quidem natura creati sunt boni, sed ipsi per se facti sunt mali*» («Дьявол же и другие демоны сотворены были Богом по природе своей благими, но сами по себе стали злыми»). И сказано также в книге Иова (4, 18): «*Ecce qui servi-unt ei, non sunt stabiles, et in Angelis suis repent pravitatem*» («Вот, Он и слугам Своим не доверяет и в Ангелах Своих усматривает недостатки»).

Иоганн Георг Цопфиус в своей работе «*Dissertatio de Vampyris Serviensibus*» («Рассуждения о вампирах подчиненных», Галле, 1733) говорит: «Вампиры выходят по ночам из своих могил, набрасываются на людей, мирно спящих в своих кроватях, высасывают всю кровь из их тел, убивая их таким образом. Эти чудовища одинаково преследуют мужчин, женщин, детей, не разбирая ни возраста, ни пола. Те, кто испытал их пагубное воздействие, жалуются на удушье, подавленность и полный упадок сил, после чего быстро умирают. Некоторые из тех, кто был уже при смерти, на вопрос, знают ли они, чем вызван их недуг, отвечали, что такие-то и такие-то люди, недавно умершие, вставали из могилы, чтобы их мучить и истязать». Скофферн в «Случайных страницах науки и фольклора» пишет: «Лучшее определение, которое я могу дать вампиру, это «живое, вредоносное и кровожадное мертвое тело». Живое мертвое тело! Пустое, бессмысленное, несовместимое, непостижимое словосочетание — но именно таковы вампиры». Хорст в своем исследовании «*Schriften und Hypothesen ueber die Vampyren*» («Сочинения и гипотезы по поводу вампиров») определяет вампира как «мертвое тело, продолжающее жить в могиле, которую оно, однако, покидает по ночам, дабы высасывать кровь из живых, посредством чего оно питается и сохраняется в хорошем состоянии, вместо того чтобы разлагаться подобно прочим мертвым телам».

У демона нет тела, хотя для своих целей он способен оживлять какое-либо тело, присваивая его себе или имитируя присвоение, но это не его собственное истинное тело². Поэтому вампир не является демоном в истинном смысле слова, хотя бы его отвратительная похоть, его жуткие наклонности и были демоническими, дьявольскими.

Строго говоря, вампира нельзя назвать привидением или призраком, ибо призрачная сущность неосвязаема — это просто бесплотная тень, которая ускользает, как сообщает нам древнеперсидский

И в первую пасхальную ночь, когда Иисус стал посреди своих учеников и они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа, Он сказал: «Videte manus meas, et pedes, quia ego ipse sum: palpare et videte: quia spiritus carnem, et ossa non habet, sicut ne videtis habere» («Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня»)⁴.

И действительно, зафиксировано несколько случаев, когда человеку удавалось схватить привидение или, наоборот, привидение хватало человека, и он ощущал его прикосновение, но эти явления следует в целом воспринимать как исключения, если на самом деле их нельзя объяснить каким-то иным способом, как, например, тем, что человеческое тело получает сигналы от какого-либо духа или близкого человека при исключительно редких условиях, связанных с паранормальным воздействием.

В случае с весьма необычными и жуткими явлениями призраков на вокзале старого Дарлингтона и Стоктона мистер Джеймс Дэрэм, почтой сторож, находившийся однажды вечером в подвальной комнатке привратника, был застигнут врасплох появлением незнакомца в сопровождении пса — огромного черного ретривера. Не говоря ни слова, посетитель ударил сторожа, и тот ощутил сильный толчок. Естественно, сторож нанес ответный удар, но кулак его прошел сквозь тело незнакомца и ударился о стену за его спиной. Тем не менее дикий визитер издал дикий визг, вслед за чем пс впились зубами в ногу мистера Дэрэма, причинив ему значительную боль. В тот же миг незнакомец отозвал ретривера, как-то странно щелкнув языком. И посетитель, и собака бросились в маленькую кладовку для угля, из которой не было второго выхода. Через минуту кладовку обследовали, но никого там не обнаружили. Впоследствии выяснилось, что много лет назад пекий служащий, неизменно появлявшийся всюду с большим черным псом, совершил самоубийство в здании вокзала, чуть ли не в том самом подвальчике — по крайней мере, именно там обнаружили его труп.

Майор К. Г. Мак-Грегор из Донагэди, графство Даун, Ирландия, рассказывает о доме на севере Шотландии, где являлся призрак старой леди, много лет проживавшей в этом доме и скончавшейся в самом начале XIX века. Как-то ночью некоторые из людей, спавших в комнате, где она умерла, стали ощущать на себе весьма чувствительные толчки и даже резкие пощечины. Сам майор, почувствовав где-то в полночь удар в левое плечо, обернулся, подался вперед и схватил человеческую руку — полную, теплую и мягкую. Он сильно сжал запястье и предплечье, нащупав рукав и кружевную манжету. У локтя чужая рука словно бы обрывалась, и пальцы майора уперлись в пустоту; в изумлении он отпустил руку. Когда зажгли свет, никого из постороших в комнате не обнаружили.

Еще один случай имел место в Гэрване, графство Саут-Эйршир. У молодой женщины погиб брат, вышедший в море на лодке и попавший в сильный шторм. Когда нашли его тело, то увидели, что покойный лишился правой руки. Бедная девушка не находила себе места от горя. Прошло несколько дней, и как-то ночью, раздеваясь перед отходом ко сну, она вдруг пронзительно вскрикнула. На крик в ее комнату сбежались домочадцы, и девушка заявила, что ее сильно ударили раскрытой ладонью в плечо. Место, куда был нанесен удар, внимательно осмотрели: там среди мертвенно-бледных сиячков виднелся отчетливый отпечаток мужской правой руки.

Эндрю Лэнг в своих «Сновидениях и призраках» рассказывает историю «Призрака, который кусался». Этого призрака можно было принять за вампира, однако на самом деле под такую классификацию он не подпадает, так как у вампира есть тело и его жажда крови связана с необходимостью добывать для этого тела пропитание. Рассказ этот можно найти в «Замечаниях и вопросах» от 3 сентября 1864 года, где корреспондент утверждает что воспроизвел этот рассказ почти дословно, услышав его из уст леди, о которой идет речь, — человека испытанной правдивости. Эмма С. спала у себя в комнате в большом доме близ Кэпнок-Чейз. Был прекрасный

^{*} Словно дыхание легка, сновидениям крылатым подобна.

августовский день 1840 года, и хотя Эмма сама велела служанке разбудить ее как можно раньше, она все же удивилась, услышав резкий Стук в дверь совсем ранним утром — около половины четвертого. Хотя хозяйка ответила: «Да, войдите», — стук продолжался, и вдруг занавески раздвинулись, и, к своему изумлению, Эмма увидела за ними лицо одной из своих двоюродных тетушек. Тетушка пристально глядела на Эмму. Полуинстинктивно Эмма выставила вперед руку, и тут же привидение укусило ее за большой палец, а затем исчезло. После этого Эмма встала, оделась и спустилась вниз, на первый этаж, где еще не было ни души. Вскоре появился отец. Слегка пошутив по поводу того, что дочь твердо решила встретить рассвет, он поинтересовался, в чем дело. Выслушав рассказ Эммы, отец решил, что уж теперь-то в течение дня он непременно должен навестить свою свояченицу, которая жила неподалеку. Так он и сделал, но, как оказалось, лишь для того,

Привидение

чтобы обнаружить, что она скоропостижно скончалась около половины четвертого утра... Она ничем не болела, и эта смерть была неожиданной. На одном из ее больших пальцев обнаружили следы зубов, словно умирающая укусила его в последнем приступе агонии.

Странные беспорядки в пансионе Лэм (Лоуфорде-Гейт, Бристоль) в 1761—1762 годах, слухи о которых распространились далеко за пределы округа, были, весьма вероятно, связаны с колдовством и вызваны преследованиями со стороны одной женщины, увлекавшейся оккультизмом низшего порядка, хотя, с другой стороны, они могли представлять собой проявления полтергейста. Двух маленьких сестер, Молли и Добби Джайлз, кто-то безжалостно кусал и щипал. На руках девочек были видны отпечатки восемнадцати или двадцати зубов, причем отметины были мокрыми от свежей слюны, и «дети громко плакали от боли, вызванной щипками и укусами». В одном случае, когда с Добби Джайлз говорил наблюдатель, девочка с плачем объясняла, что кто-то укусил ее за шею: там появились липкие от слюны следы восемнадцати зубов. Возможность того, что ребенок сам себя искусал, была совершенно исключена; к тому же рядом с девочкой находился лишь один человек — мистер Генри Дэрбин, который письменно зафиксировал эти события и чей отчет о них впервые опубликовали в 1800 году, поскольку мистер Дэрбин не хотел, чтобы записи были обнародованы при его жизни. Второго января 1762 года мистер Дэрбин пишет: «Добби закричала, что та самая рука схватила ее сестру за горло, и я заметил, что плоть на горле Молли сбоку слегка вдавилась и кожа побледнела, словно горло сжимали чьи-то пальцы — однако никаких пальцев я не видел. Лицо девочки быстро побагровело, будто ее душили, но никаких конвульсий не последовало». А вот запись, датированная четвергом, седьмого января 1762 года: «Добби покусали сильнее, и следы зубов на ее теле были глубже, чем у Молли. Отпечатки зубов на руках девочек имели форму овала длиной в два дюйма». Все это определенно выглядит так, будто дети подвергались колдовскому воздействию.

Можно вспомнить о судебном процессе над сэйлемскими ведьмами. Когда в городе Сейлем вспыхнула настоящая эпидемия колдовства, пострадавшие жаловались на суде, что их мучили укусами, щипками, удушением и т. д. В ходе судебного разбирательства по делу Гудвайф Кори «не раз паблодалось, что, стоило подсудимой прикусить пажпной губу, как пострадавшие пащипали ощущать укусы на предплечьях и запястьях и демонстрировали судьям и священнику отметины в соответствующих местах».

В «Протоколах Национальной Лаборатории психических исследований» (том I, 1927 г.) можно паить отчет о феномене, связанном с Элеопорой Зюгуи, юной румьпкой из крестьянской семьи. Осенью 1926 года, когда девочке исполнилось всего лишь тринадцать лет, ее привезла в Лондон графиня Василь-ко-Серецки, чтобы необычайные явления, происходившие с Элеопорой, изучили в Национальной Лаборатории психических исследований (Куинсбери-Плэйс, Саут-Кенсингтон). О ребенке говорили, будто его преследует какая-то незримая сила или сущность, известная девочке под именем Драку, Англический демон. С Элеопорой происходило множество необыкновенных событий; ее кусала и царапала эта невидимая сущность. Достаточно привести два-три примера из целой серии случаев — это «феномен укуса на расстоянии». «В понедельник 4 октября 1926 года, в полдень, следователь капитан Нил лау отмечает в своем докладе: 3 часа 20 минут. Элеопора вскрикнула. Показала нам отметины на тыльной стороне кисти руки, похожие на следы зубов; позднее эти отметины превратились в глубокие рубцы... 4 часа 12 минут. Элеонора подносила к губам чашку с чаем, но внезапно вскрикнула и поспешно поставила ее на стол. На правой руке появились отметины, явно похожие на следы укуса: четко прослеживались оба ряда зубов». Об этом же случае пишет мистер Клэфам Палмер — следователь, также присутствовавший при этом: «Элеопора подносила к губам чашку, и вдруг тихо вскрикнула, поставила чашку и закачала рукав. На ее предплечье я увидел глубоко впечатавшиеся в плоть отметины, похожие на следы зубов — словно некто яростно укусил девочку. Красноватые отпечатки побелели и в конце концов превратились во вздувшиеся рубцы. Они постепенно исчезли, но были еще видны в течение часа или около того». Подобные укусы случались нередко, и эти отметины были сфотографированы.

Было бы интересным и, несомненно, весьма достойным занятием обсуждать происхождение этих укусов, однако подобное исследование здесь неуместно, потому что мы имеем дело не со случаем вампиризма или какого-либо родственного явления. Цель вампира — высосать кровь, а во всех приведенных выше случаях кровь если и выступала, то это было связано с характером царапин или вмятин от зубов; кровотечения практически не паблодалось. К тому же источник этих укусов был недостаточно материален, чтобы его увидеть. А настоящий вампир вполне зрим и осязаем.

У вампира есть тело, причем свое собственное. Он не жив и не мертв; его скорее можно назвать живущим в смерти. Он — некая аномалия, своеобразный гермафродит, гибрид в мире призраков, изгой среди порождений ада.

Еще языческий поэт поучал своих слушателей и читателей, что смерть — это сладостная награда в виде вечного покоя, благословенное забытие после тяжелых трудов и борьбы, которыми сопровождается жизнь. Немного пайдется на свете того, что прекраснее» и того, что печальнее песен наших современных язычников, утешающих скорбь своих сердец задумчивыми грезами о вечном сне. Сами наши язычники, вероятно, этого не знают, но свою безысходную, хотя и изысканную, тоску они унаследовали от певцов последних дней Эллады — создателей пасквозь пронизанных усталостью, и все же гармоничных песнопений — тех людей, для которых в небе уже не загоралась заря надежды. Но мы-то определенно знаем и твердо уверены в том, что «созрели первые плоды для спящих: Христос воскрес». И тем не менее Грэй, сам паполовину грек, тоже, видимо, обещает своим крестьянам и батракам в качестве награды после жизни, исполненной неурядиц и тяжелых трудов, милос сердцу забытие и вечный сон. Суинберн радостно благословляет богов.

*За то, что сердце в человеке
Не вечно будет трепетать,
За то, что все вольются реки
Когда-нибудь в морскую гладь.*

Эмилия Бронте страстно желает одного лишь забытия:

*О, я смогу забыться, спать,
Не думая о том,
Как будет снегом меня засыпать,
Как будет хлестать дождем!*
Флексер в абсолютном отчаянии причитает:
*Я знаю: глухи мертвые — и не услышат,
Хоть сразу сотни соловьев рассыплют трели...
Я знаю: слепы мертвые — и не увидят,
Как в страхе друг большие их глаза закроет,
И нет у них сознания...*

Еще прекраснее, чем воспевали ее поэты, описана смерть у прозаика, соткавшего угонческие образы: «Смерть, должно быть, так прекрасна. Лежать в мягкой бурой земле, когда у тебя над головой колышутся травы — и слушать безмолвие. Не знать, что такое вчера и что такое завтра. Позабывать о времени. Бедные, жалкие души! Какими сухими, какими пустыми становятся подобные устремления, когда задуматься о страстных, сияющих словах Маленького Цветочка: «Для блага общего хотелось мне бы перенести на землю небо». И еще: «Даже в ложе Блаженной Грезы ангелы нас охраняют». Нет, я никогда не смогу никоим образом отдыхать до окончания мира. Но как только ангел скажет: «Время прекратило свое существование», — вот тогда я и отдохну, тогда я смогу возрадоваться: ведь число избранных станет полным».

Итак, мы видим, что даже для тех, кто придерживается языческих, самых безысходных, самых ошибочных взглядов, идеалом являются забвение и покой.

Так какая же ужасная судьба у вампира, который лишен возможности спокойно отдыхать в своей могиле и который по воле злого рока обречен выходить из нее и терзать живых!..

Первым делом можно было бы вкратце исследовать, каким образом возникла вера в вампиризм, и здесь вполне уместно заметить, что тщательные изыскания в связи с экстрасенсорными, паранормальными явлениями, оказавшиеся в последние годы столь плодотворными, и даже современные научные открытия подтвердили сущностную правдивость множества древних свидетельств и старых поверий, еще вчера отвергаемых людьми благоразумными как проявления крайней чувственности эффектных, напыщенных фантазий. Можно сказать, что истоки веры в вампиризм, хотя и очень смутные, неформальные и несвязанные друг с другом, восходят к древнейшим временам, когда первобытный человек пытался проследить таинственную взаимосвязь души и тела. Человек наблюдал разделение индивида на эти две составляющие, и, благодаря своим наблюдениям, пусть грубым и незрелым, сталкивался с таким феноменом, как бессознательное — в том виде, в каком оно представлено в сновидениях и особенно в смерти. Человеку оставалось лишь размышлять о существовании этого самого нечего, утрачивая которое, навсегда покидаешь живой, бодрствующий мир; приходилось задаваться вопросом: возможно ли при некоторых обстоятельствах, пока что ему неизвестных, скрытых от него, продолжение той жизни, той личности, которая, очевидно, перешла куда-то в другое место, в какое-то иное состояние. Вопрос этот был вечным и, более того, глубоко личным, поскольку затрагивал тот опыт, которого человек и не надеялся избежать. Вскоре ему стало ясно, что процесс, именуемый смертью, — это всего лишь переход в иной мир; вполне естественно, что мир потусторонний воображался очень похожим на уже знакомый, привычный мир — с той лишь разницей, что в потустороннем мире человек будет пользоваться влиянием на те силы, с которыми в течение своей земной жизни он вел нескончаемую войну за власть. Возможно, мир иной расположен не так уж далеко, и не стоит полагать, будто люди, перешедшие в него, утрачивают интерес и привязанность к тем, кого они совсем недавно оставили на земле. Несмотря на то, что нам не случается зримо ощутить присутствие покойных родственников, мы должны о них помнить так, как мы помним о ком-либо из нашей семьи, кто отправился в обычное путешествие на неделю, месяц или год. Естественно, к тем, кому возраст и положение давали право на уважение и почет со стороны окружающих, следует относиться с тем же вниманием — даже оказывать еще более высокие почести, чем при жизни: ведь теперь власть этих людей таинственным образом усилилась, и они будут активно карать за любую непочтительность

и пренебрежение. Следовательно, как отдельная семья почитала отца — хозяина дома — и при жизни, и после смерти, так и все племя стало поклоняться великим людям — вождям и героям, чьи деяния и подвиги принесли благо не только их семьям, но и всему клану. У племени шиллук, которое живет на западном берегу Белого Нила и которым управляет король, по-прежнему сохраняется культ Ньякапа — героя, основавшего династию и поселившего этот народ на его нынешней территории. Считается, что Нья-канг был человеком, причем в действительности он не умер, а просто скрылся из виду. Однако он не обладает божественностью в полной мере, тогда как великий бог шиллуков, Джу-ок, не имеет формы, невидим и присутствует абсолютно повсюду. Он гораздо величественнее и выше Ньякапа и царствует на тех самых высоких небесах, где до слуха его не доносятся людские молитвы и он не может обонять сладостный запах приносимых ему жертв.

Шиллуки поклоняются не только Ньякапу, но и каждому из своих королей, после того как тот умирает, и могила монарха становится святилищем. Повсюду в деревнях есть множество усыпальниц, за которыми присматривают специальные старики и старухи. В каждой из таких усыпальниц совершаются тщательно разработанные ритуалы, практически идентичные повсеместно. И в самом деле, можно сказать, что основным элементом религии шиллуков является культ умерших королей⁵.

Другие африканские народности также поклоняются своим королям, отошедшим в мир иной. Народ багада, чья страна Уганда расположена в верховьях Нила, считает своих покойных правителей равными богам и в их честь воздвигает храмы, которые содержатся с величайшей заботой. В прежние времена, когда умирал король, убивали сотни людей, чтобы их души могли прислуживать душе властелина. Вот весьма показательная иллюстрация веры этих людей в то, что король со своей призрачной свитой в состоянии возвращаться на землю в телесной форме (достаточно плотной, чтобы осуществлять такую сугубо материальную функцию, как поглощение пищи). В определенные торжественные дни на заре у ворот храмов начинают бить в священные тамтамы, и туда стекаются толпы поклоняющихся, которые несут корзины с едой, дабы король со свитой не остались голодными, ведь в противном случае монарх может разгневаться и покарать весь народ⁶.

В районе Кизиба на западном берегу озера Виктория-Ньянза религия местных жителей тоже сводится в основном к культу умерших королей. Хотя в данной религии и представлено верховное божество Ругада, создавшее мир, людей и животных, даже жрецы этого народа мало что знают о нем; ему не приносят жертвы, а жрецы выступают в роли посредников между людьми и покойными монархами⁷.

Подобным же образом племена бапту в Северной Родезии до сих пор признают верховное божество по имени Леза, чья сила проявляется в бурях, в грозных тучах и проливных дождях, в раскатах грома и вспышках молний; однако это божество недостижимо для людей, ему бесполезно молиться и приносить жертвы. Поэтому боги, которым поклоняются эти племена, четко подразделяются на два класса: духи покойных вождей, публично почитаемых всем племенем, и духи родственников — их в частном порядке чтит каждая семья, глава которой выполняет в данном случае жреческие функции. «Среди народа авемба нет специальных усыпальниц для таких чисто семейных духов, культ которых существует в любой отдельной хижине и которым семья приносит в жертву овцу, козу или дичь, причем дух получает кровь, проливаемую на землю, тогда как все члены семьи вместе вкушают плоть жертвы. Для верующего авемба вполне достаточно поклоняться духу кого-либо из ближайших родственников (дедушки с бабушкой, или покойных отца с матерью, или же дяди по материнской линии). Из всех "духов родственников человеку следует выбрать для поклонения кого-либо одного, которого он по тем или иным соображениям считает особенно близким себе. Например, прорицатель может сообщить человеку следующее: его последнее заболевание вызвано тем, что он не выказывал уважения духу своего дяди. Соответственно, этот человек должен позаботиться о том, чтобы принять своего дядю в качестве духа-покровителя. В знак подобного уважения можно посвятить одному из духов своих предков корову или козу»⁸. Этот обычай весьма показательен, и следует обратить особое внимание на два момента. Во-первых, умершего — вернее, его дух — не просто стараются умиловить. Он еще и вкушает крови, которую специально проливают ради него. Во-вторых, если покойного не чтить должным образом,

он в состоянии наслать болезнь, т. е. обладает определенной злотворной силой, в частности, способностью мстить. Смысл идеи, лежащей в основе этих обычаев, не очень-то отличается от сути образа вампира из преданий — чудовища, жаждущего крови: его пагубное воздействие на человека также ведет к болезни и истощению.

Весьма похожие идеи распространены среди гереро — одного из племен группы банту в германской Юго-Западной Африке. Согласно верованиям гереро, Нджамби Карунга, великое благое божество, превышающее высоко на небесах, слишком удалено от людей, чтобы до него доносились их молитвы, отчего ему не поклоняются и не приносят жертвы. «И бояться они должны своих предков (овакуру), ведь это предки гnevаются на человека, угрожают ему и способны наслать на него несчастье... Именно с целью завоевать и сохранить их благосклонность, отвлечь их гнев и немилость — короче говоря, чтобы умиловать предков, и приносят им гереро множество жертв. Не из благодарности они это делают, но от страха, не от любви, а от ужаса»⁹. Преподобный Г. Физ — миссионер, работающий среди этого племени, — пишет: «Все религиозные обычаи и церемонии овагереро основаны на предположении о том, что покойные после смерти продолжают жить, оказывая огромное воздействие на земное существование, обладая властью над жизнью и смертью человека»¹⁰.

Религия овамбо — еще одного племени группы банту — развивает практически те же идеи. Вся религия сводится к почитанию душ умерших людей — вернее, к их ублажению. После смерти каждого человека остается призрачная форма, продолжающая каким-то образом (не совсем четко определенным) существовать на земле, и у этого призрака есть власть над живыми людьми. Прежде всего, это возможность насылать различные болезни. Духи простых людей способны влиять только на членов своих собственных семей; души же вождей и великих воинов обладают гораздо более широкими возможностями: они в состоянии приносить пользу или причинять вред всему племени. В некоторой степени они могут даже управлять силами природы и обеспечить богатый урожай, заботливо вызывая дождь: ведь под чутким руководством подобных великих духов явно не будет ни крайней нехватки, ни пересыщения материальных благ. Более того, эти духи способны отводить болезни, но с другой стороны, если почувствуют себя обиженными, могут наслать на племя мор и голод. Следует особо отметить, что овамбо испытывают не совсем обычные страхи и опасения перед душами умерших колдунов. Единственный способ помешать размножению подобной опасной категории духов — это отрубать трунам конечности: такую меру предосторожности необходимо предпринимать сразу же после смерти колдуна. «Так уж заведено: отрубать покойнику руки и ноги и отрезать язык, чтобы лишить дух умершего возможности двигаться и разговаривать. Подобное расчленение тела делает бессильным и беспомощным призраком покойного, который в противном случае был бы могучим и свирепым»¹¹. Позже вы увидите, что в числе прочих видов расчленения к обезглавливанию и, особенно, к протыканию тела колом, за невозможностью полной кремации, прибегали как к самым эффективным средствам в борьбе с вампирами. Интересно, что, согласно теософам, вампиром становится лишь тот, кто при жизни был адептом черной магии. Как заявляет мисс Джесси Аделаида Миддлтон, «в вампиров превращаются ведьмы, колдуны и самоубийцы»¹².

Каноник Кэллзуэй зафиксировал очень интересные детали культа аматонго (предков) у зулусов¹³. В отчете об обычаях туземцев он пишет следующее: «Чернокожие не почитают без разбора всех аматонго, т. е. всех покойников своего племени. Вообще говоря, покойному главе семьи поклоняются его дети — ведь они не знают древних предков, не знают ни их

имен, ни их хвалебных титулов. Но любое важное дело они начинают и заканчивают молитвами своему покойному отцу, которого почитают как главу семьи, ибо помнят его доброту, которую он проявлял к ним при жизни. Подобное отношение поддерживает их и сейчас. Они говорят: «Он по-прежнему точно так же будет относиться к нам и после смерти. Мы не понимаем, почему он должен проявлять заботу к кому-либо еще, кроме нас. Нет, он будет заботиться только о нас». Вот как обстоит дело, хотя в каждом племени поклоняются многим аматонго и окружают высокими заборами их могилы, чтобы защитить их. Но в культе аматонго на первом месте для зулуса всегда стоит отец. Он остается драгоценным сокровищем, даже уйдя из жизни». Создается впечатление, что среди зулусов поклоняются в первую очередь тем, кто умер совсем недавно, особенно отцам и матерям семейств. Естественно, что о духах давно умерших соплеменников постепенно забывают — ведь время идет, и воспоминания о них исчезают вместе с теми людьми, которые знали

покойных и возносили им свои молитвы, но затем и сами последовали за этими амазонго в Мирной. Как мы уже отмечали, почти в каждом случае мы сталкиваемся с признанием того, что существует некая высшая сила — явно духовная сущность, которая никогда не была человеком и поклонение которой (в тех редких случаях¹⁴, когда подобное почитание воспринимается как жслаемое или даже вполне возможное) совершенно отличается от культа мертвых, будь то семейные предки или некоторые династии древних королей. Конечно, в африканском пантеоне есть множество других богов, и, хотя туземцы не допускают, что эти боги были когда-то людьми и, разумеется, в своей ритуальной практике проводят четкое различие между поклонением подобным божествам и культом духов и призраков — тем не менее, почти во всех таких случаях есть подозрение, а порой даже уверенность в том, что эти боги были в прошлом героями, легенды о которых, вместо того чтобы с годами угасать, становились все более яркими и роскошными, пока монарх или воин не превращался просто в божество. Похожий процесс наблюдается в языческих религиях повсюду в мире, и относительно политизма народа баганда преподобный Дж. Роскоу отмечает: «Главные боги, видимо, были ранее людьми, которые отличались своими умениями и храбростью и которых соотечественники впоследствии обожествили, наделив сверхъестественными способностями»¹⁵.

Говорят, что кафры верят, будто люди, которые вели распутную жизнь, после смерти способны возвращаться по почам в телесной форме и, падавая на живых людей, ранили их или даже убивать. Вероятно, этих призраков во многом привлека-

ет кровь, позволяющая им легче достигать своих целей, и даже несколько красных капель могут помочь им оживить свои тела. Поэтому кафр испытывает величайший ужас перед кровью и старается никогда не проливать на землю ни одну каплю крови из носа или из пореза; если же таковое случится, то кровь нужно немедленно засыпать. А если кровью испачкано тело, то человек обязан устроить скверну с помощью тщательно разработанных очистительных церемоний¹⁶. По всей Западной Африке туземцы заботливо стараются уничтожить любую свою кровь, случайно пролитую на землю, а если в связи с этим пачкается кусок ткани или деревяшка, то данные предметы подлежат тщательному сожжению¹⁷. Африканцы открыто признают, что их задача — не допустить, чтобы хоть капля крови попала в руки колдуна, который может использовать ее в дурных целях; важно также не дать завладеть ею злему духу, который с ее помощью способен воссоздать для себя материальное тело. Такой же страх перед колдовством распространен и на Новой Гвинее, где туземцы, получившие ранение, аккуратно собирают тряпки, которыми перевязывали раны, и сжигают их или забрасывают далеко в море: подобные факты зафиксированы многими миссионерами и путешественниками¹⁸.

Мало кто из людей до сих пор не осознал того таинственного значения, которое придается крови, и примеры таких верований можно найти в истории любой страны. В том же духе высказывались и китайские исследователи, писавшие о колдовстве¹⁹; так полагали и арабы²⁰; об этом хорошо известно и из древнеперсидских преданий²¹. Даже по отношению к животным считалось, что душа животного и, значит, сама его жизнь — в его крови, или, точнее, кровь — это и есть его душа. Вот перед нами божественное установление (Левит, XVII, 10—14): «Homo quilibet de domo Israel, et de advenis qui peregrinantur inter eos, si comederit sanguinem, obfirmabo faciem meam contra animam illius, et dispersam carnem de populo suo, Quia anima carnis in sanguine est: et ego dedi illum vobis, ut super altare in eo expietis pro animabus vestris, et sanguis pro animae piaculo sit. Idcirco dixi filiis Israel: Omnis anima ex vobis non comedet sanguinem, nee ex advenis, qui peregrinantur apud vos. Homo quicumque ex filiis Israel, et de advenis, qui peregrinantur apud vos, si venatione atque aucupio ceperit feram vel avem, quibus esci licitum est, fundat sanguinem eius, et operiat illum terra. Anima enim omnis carnis in sanguine est: unde dixi filiis Israel: Sanguinem universae carnis non comedetis, quia anima carnis in sanguine est: et quicumque comederit illum, interibit» («Если кто из дома Израилева и из пришельцев, которые живут между вами, будет есть какую-нибудь кровь, то обращу лице Мое на душу того, кто будет есть кровь, и истреблю ее из народа ее, потому что душа тела в крови, и Я назначил ее вам для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сия душу очищает; потому Я и сказал сынам Израилевым: ни одна душа из вас не должна есть крови, и пришелец, живущий между вами, не должен есть крови. Если кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между вами, на ловле поймает зверя или птицу, которую можно есть, то он должен дать выгнать

крови ее и покрыть ее землею, ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его; потому Я сказал сынам Израилевым: не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его: всякий, кто будет есть ее, истребится»²²). Древнееврейское слово, которое переводится как «жизнь»²³, имеет также значение «душа» — в данном отрывке и особенно во фразе «душа всякого тела есть кровь его», и в Исправленной версии Библии имеется пометка на полях: «свр. душа». И коль скоро сама сущность жизни — более того, душа и дух каким-то таинственным образом заключены в крови, мы получаем исчерпывающее объяснение того факта, почему вампир вынужден стремиться оживить и омолодить свое мертвое тело путем высасывания крови из тела своих жертв.

Нелишне вспомнить о знаменитом некромагическом пассаже из «Одиссеи»²⁴. Когда Улисс в царстве мертвых вызывает призраков, то чтобы те обрели дар речи, ему приходится вырыть глубокий ров и заполнить его кровью жертвенных черных баранов. И лишь напившись досыта этой драгоценной жидкости, тени мертвых получают возможность разговаривать с Одиссеем и воспользоваться некоторыми из своих бывших человеческих способностей.

Среди множества упоминаний о погребальных обычаях в Священном Писании есть одно, имеющее самое непосредственное отношение к подобной вере в то, что кровь может помочь умершим. Пророк Иеремия в своем предсказании полного краха евреев и окончательного опустошения их земли заявляет: «Et morientur grandes, et parvi in terra ista: non sepelientur neque plangentur, et non se incident, neque calvitium net pro eis» («И умрут великие и малые на земле сей; и не будут погребены, и не будут оплакивать их, ни терзать себя, ни стричься ради них»²⁵). И снова тот же пророк рассказывает нам, что после того, как евреи увели в вавилонский плен, «venerunt viri de Sichem et de Silo, et de Samaria octoginta viri: rasi barba, et scis-sis vestibus et squallentes: et munera, et thus habebant in manii, ut offerent in domo Domini» («пришли из Сихема, Силома и Самарии восемьдесят человек с обритыми бородами и в разорванных одеждах, и изранив себя, с дарами и Ливаном в руках для прищесания их в дом Господень»)²⁶. Слово «squallentes», которое в версии Библии, принятой на Соборе в Дуэ, передается как «скорбящих», в канонической версии Библии переведено как «изранив себя», и идентичный вариант перевода дается в Исправленной версии Библии. Подобные обычаи обривания части головы и сбривания бороды, о которых идет речь во фразе «ни стричься ради них» и особенно практика нанесения себе порезов и даже ран в знак траура — все это было строгой запретом как отдающее языческими заблуждениями. Так, в книге Левит (XIX, 28) мы читаем: «Et super mortuo non incidetis carnem vestram, neque figures aliquas, aut stigmata facietis vobis» («Ради умершего не делайте порезов на теле вашем и не накалывайте на себе письмена. Я Господь [Бог ваш]»). И снова (XXI, 5) наказывается предписание насчет траура: «Non radent caput, nec barbam, neque in carnibus suis facient incisuras» («Они не должны брить головы своей и подстригать края бороды своей и делать нарезки на теле своем»). Однако св. Иероним рассказывает нам, что обычай этот продолжал существовать, и в своем Комментарии к Иеремии (XVI, 6), датированном, вероятно, 415 — 420 годами²⁷, говорит: «Mos hic fuit apud veteres, et usque hodie in quibusdam permanet Iudaeorum, ut in luctibus incident lacertos, et calvitium faciunt, quod lob fecisse legimus» («У древних был обычай, и среди некоторых иудеев он сохраняется до сих пор, расцарапывать руки, наносить на них порезы и вырывать себе волосы»)²⁸. Но, как мы заметили, эти обряды уже запрещались самым строгим образом, причем неоднократно и весьма настойчиво. Так, во Второзаконии они резко порицаются как грубейшее заблуждение: «Non comedetis cum sanguine. Non augurabimini, nec observabitis somnia. Neque in rotundum attondebitis comarri: nec radetis barbam. Et super mortuo incidetis carnem vestram, neque figuras aliquas, aut stigmata facietis vobis. Ego Dominus» («Не ешьте с кровью; не ворожите и не гадайте. Не стригите бороды вашей кругом и не поргите края бороды своей. Ради умершего не делайте порезов на теле вашем и не накалывайте на себе письмена. Я Господь [Бог ваш]»). «Filii estote Domini Dei vestri: non vos incidetis, nec facietis calvitium super mortuo. Quoniam populus sanctus es Domino Deo tuo: et te elegit ut sis ei in populum peculiarem de cunctis gentibus, quae sunt super terram» («Вы сыны Господа Бога вашего; не делайте порезов на теле вашем и не выстригайте волос над глазами по умершем; ибо ты народ святой у Господа Бога твоего, и тебя избрал Господь, чтобы

ты был собственным его народом из всех народов, которые на земле».)^{* **}.

Таким образом, вероятно, эти два обычая были среди евреев строжайше запрещены как заимствованные у язычников, которые в порыве отчаяния действительно способны на такую экстравагантную и даже непристойную демонстрацию своей скорби по умершим, однако среди избранного народа Иеговы подобная практика должна была считаться по крайней мере весьма неприличной. Конечно, в этих обрядах, даже если не вдаваться в них глубоко, явно сквозит жестокость, и они унижительно — неудивительно, что указы, запрещающие их отправление, встречаются и среди других народов. Взять, к примеру, свод законов Солона в Древних Афинах, содержащий запрет плакальщицам расцарапывать лица — свои и чужие. Аналогичные положения библейских десяти заповедей также основаны на более ранних законах, не позволяющих жещицам расцарапывать и всячески обезображивать себе лица во время похоронных ритуалов. Эти два обычая — обрывать голову и расцарапывать лицо — встречаются в мире повсюду, во все времена и среди любых народов. Первая из данных традиций нас здесь едва ли интересует, однако весьма любопытно исследовать идею, лежащую в основе «нарезов на теле ради умерших». Подобные обычаи существовали в древности у ассирийцев, арабов, скифов и таких народов, как моавитяне, филистимляне и фишкийцы²⁹. Иордан сообщает, что Аттилу оплакивали «не женскими стеланиями, не пустоножними похоронными песнями и слезами, но кровью воилов и силачей»³⁰. Среди многих африканских племен, среди полинезийцев Таити, Сапдвичевых островов и всей Океании, среди аборигенов Австралии, Новой Зеландии и Тасмании, жителей Патагонии, индейцев Калифорнии и Северной Америки, равно как и среди множества других народов оплакивание умерших всегда сопровождается расцарапыванием тела вплоть до обильного кровотечения. Небезызвестно также, что родственники покойных причиняют себе ужасные увечья, и считается, что тот, кто наиболее жесток и безжалостен по отношению к себе, демонстрирует наибольший почет и уважение к покойному. Важная деталь: обязательно должна пролиться кровь. Это действие, видимо, равносильно заключению своеобразного договора с умершим. Добровольное предоставление покойнику того, в чем он нуждается, предотвращает его возвращение с целью взять это насильно, да еще и при самых ужасающих обстоятельствах. Если люди не пожелают темного подкормить мертвеца своей кровью, то он вернется и заберет ее полностью. Поэтому естественно предположить, что гораздо лучше поделиться ею и тем самым заслужить покровительство со стороны призрака, нежели отказывать ему в том, что он все равно неизбежно отнимет, будучи охвачен яростью и жаждой мщения.

Многие австралийские племена считали кровь лучшим лекарством для больных и ослабленных людей. Разумеется, в этом представлении нет ни крупицы истины, если рассматривать его в свете научного метода переливания крови в том виде, в каком его в настоящее время то и дело применяют врачи (имеется и немало примеров использования этого средства в Средние века и в медицине более позднего периода)³¹.

Боннэй, австралийский путешественник, рассказывает, что среди некоторых племен, проживающих по берегам реки Дарлинг в Новом Южном Уэльсе, «очень больных или ослабленных людей принято подкармливать кровью. В данном случае своей кровью делятся с ними друзья. Это делается уже описанным ранее способом»³², т. е. человек вскрывает себе вену на предплечье и подставляет под руку деревянную чашу или какой-либо похожий сосуд, куда стекает кровь. «Когда кровь загустевает, превращаясь в желеобразную массу, большой пальцами отпихивает ее в себе в рот». Следует помнить: аборигены верят, что душа продолжает жить после смерти тела, и если при жизни человека кровь оказывается для него самым полезным и питательным продуктом, то она сохраняет свои животворные качества, когда ее даруют ушедшему в мир иной (эти люди не ощущают смерть как безвозвратный уход и вечную разлуку).

Все это определенно дает нам ключ к пониманию тех представлений, что лежат в основе обычая до крови расцарапывать себе тело в знак траура. Смысл данного обычая со временем окутался мраком, и подобные кровопускания стали восприниматься всего-навсего как доказательство скорби

^{*} На самом деле данный пассаж, в отличие от следующего, взят не из Второзакония, а из книги Левит, XIX, 26—28.

^{**} Второзаконие, XIV, 1—2.

в связи с тяжелой утратой, но не вызывает сомнений, что плакальщики, как правило, старались кровью подпитать умершего, дабы он набрался сил и энергии в своем новом состоянии³³. Эти обряды к тому же стали подразумевать желание как-то умиловить покойного и более того — установить с ним тесную связь; они носят явно некромагический характер, к тому же от них так и веет вампиризмом: дело в том, что люди верят, будто умерший способен поддерживать в себе какую-то полужизнь, похищая жизненную энергию, т. е. выпивая кровь у живых людей. И, соответственно, мы вполне можем понять, почему эти варварские, если не сказать хуже, обычаи так беспрепятственно запрещались Моисеевыми законами, которые не просто являлись запретами на совершенно непристойные горестные оплакивания, окрашенные язычеством, — надо смотреть гораздо глубже: подобные ритуалы не были свободны от жутких черномagicеских суеверий, от стремления подпитывать вампира горячей соленой кровью до тех пор, пока он, насосавшись ее досыта, сам не отвалится, подобно какой-то дьявольской пиявке.

Слово «вампир» пришло к нам из венгерского языка, где оно бытует в форме *vampir*, но вообще это слово скорее славянского происхождения. У славян оно встречается в аналогичной форме в русском, польском, чешском, сербском языках, сосуществуя с такими вариантами, как болгарское слово *вапир*, *вепир*, рутенское *verig*, *vorig*, русское *упырь*, польское *upiec*. Миклошич³⁴ в качестве одного из возможных вариантов происхождения слова «вампир» предлагает турецкое слово *uber* — «ведьма». Еще один вариант, но менее вероятный — образование от корня *pi-* (пи-) — «пить» при помощи приставки *va-* (ва-) или *au-* (ав-). От корня *pi-* образуется древнегреческое «пью»; некоторые временные формы этого глагола образуются от корня *po-* (по-), такие как перфектная форма³⁵, будущее время пассивного залога³⁶, следует добавить сюда перфектный инфинитив³⁶, встречающийся у Феогнида³⁷. Отсюда же возникло слово, имеющее значение «свежая, питьевая вода»³⁸.

Санскритские формы — *pa*, *pi*, *pi-bani* (латинское *bibo* — «пью»), *pa-pam* (лат. *potus*), *pa-tra* (лат. *rosulum*); латинские — *po-tus*, *po-to*, *po-culum*, и т. д., с которыми связан глагол *bibo* и многие его простые и составные формы (корень *bi-*); славянское *pi-ti/пи-ть* (лат. *bibere*); литовское *po-ta* (лат. *ebrietas* — пьянство) и огромное количество других вариантов.

В связи с этим непременно следует процитировать Рэл-стона, хотя стоит иметь в виду, что в некоторых деталях он немного устарел. Его работа «Песни русского народа», откуда я привожу следующий отрывок, была опубликована в начале 1872 года. Вот что Рэлстон пишет о вампирах: «Это название никогда не могли удовлетворительно объяснить. Слово «вампир» имеет в этой его форме — *vampir* — южнорусское *upir*, *upig* до сих пор сравнивали с литовским *wemprti* = «пить» и *wemprti*, *wampriti* = «рычать», «ворчать» и выводили его из корня *pi-* (пить) с префиксом *u* = *av*, *va*. Если эта деривация верна, то главную особенность вампира можно истолковать как подобие опьянения кровью. В соответствии с этими представлениями хорваты называют вампира *rijavica* (пиявица), а сербы говорят о человеке с лицом, красным от постоянного пьянства, что он «багровый, как вампир»; сербы и словаки имеют горького пьяницу словом *vlkodlak* (вкод-члак, т. е. вурдалак). Словенцы и кашубы называют *vieszczy* — это название аналогично тому, которое в нашем родном языке, как, впрочем, и в русском, дают человеку, рожденному ведьмой. Поляки именуют вампира *upior* или *upig*, причем последний вариант бытует и среди чехов. В Греции для вампира есть местные названия: «облачившийся в плоть» (Кипр); «готовый встать из могилы» (Теспос); «перезложившийся» (Кифлос)». Даже такой авторитет в области изучения Греции, как мистер Дж. К. Лоусон, считает, что они не поддаются анализу. Ньютон в своей работе «Левант: путешествия и открытия» и особенно Пэшли в «Путешествиях по Криту» упоминают название, которое в ходу на Родосе, а еще более употребительно на Крите. Его этимология не установлена. Пэшли полагает, что оно может означать «разрушитель», «уничтожитель», однако мистер Лоусон связывает его с «зсваю» или «широко разсваю рот», что наводит на мысль о кровожадно распахнутой пасти вампира — «*os hians, dentes can-didi*» («пасть разверстая, клыки белоснежные»), как говорит Леоне Аллаччи.

Сент-Клэр и Броуфи в книге «Двенадцать лет изучения восточного вопроса в Болгарии» (1877) отмечают: «Чистые болгары называют это существо [вампира] ископно славянским словом *upior*, гагаузы же (т. е. болгары, смешавшиеся с турками) — турецким словом *obour* (обур); в Далмации вампиры известны под именем *Wirkodlaki*, которое представляется просто искаженным

повоореческим словом».

В самой Греции слово «вампир» явно неизвестно, общеупотребительным названием является слово, которое можно транслитерировать как *vrykolakas* (вриколакас), множественное число *vrykolakes* (вриколакес). Тозер приводит в качестве турецкого варианта *vurkolak* (вурколак). А в Македонии, где греческое население постоянно контактирует со своими славянскими соседями, особенно в районе Меленик на северо-востоке, греки переняли другие формы³⁹ и используют их как синонимы названия вриколакас в его обычном греческом значении. Однако довольно странно, что, за этим единственным исключением, в масштабах всей континентальной Греции и многочисленных греческих островов форма «вампир» нигде не встречается. Корас отрицает славянское происхождение слова вриколакас и пытается соотнести один из местных вариантов с гипотетическим древнегреческим словом, утверждая, что оно является эквивалентом слова, которое использовал географ Страбон⁴⁰, и другого, подобного, употребленного Арианом Никомедийским в «Рассуждениях Эпиктета»⁴¹, а также с более употребительным⁴², встречающимся у Аристофана в «Женщинах на празднике Фесмофорий». Оно также попадает еще и у Платона в диалоге «Федон»⁴³. Это дериват, уменьшительное от «мормо», что значило «домовой», «чертепок», но иногда и хуже: «кровосос с отвратительной внешностью». Гипотеза весьма оригинальна и патристична, однако Бернард Шмидт и все прочие авторитеты сходятся на том, что она полностью ошибочна и что греческое слово вриколакас, несомненно, "следует отождествить со словом, общим для всей славянской группы языков. Это словенское сложное слово, встречающееся в вариантах *volkodlak*, *vukodlak*, *vulkodlak* (волкодлак, вукодлак, вулокдлак). Первая его часть имеет значение «волк», тогда как вторую часть соотнесли, хотя подлинное родство не вполне доказуемо, с *blaka* (блака), что в старославянском языке и в повославянских языках, в частности в сербском, означает «волосы» на теле коровы или лошади или же козскую гриву⁴⁴. Но к каким бы результатам ни привели попытки установить точное значение этого сложного слова аналитическим путем, синтетическое его употребление во всех славянских языках, за исключением сербского, эквивалентно английскому слову «*werewolf*» (уэрвульф), шотландскому «*warwulf*» (уарвульф), немецкому «*Werwolf*» (вервольф) и французскому «*loup-garou*» (лупгару). В сербском языке это слово имеет значение «вампир»⁴⁵. Но в связи с этим следует отметить: среди славянских народов, и особенно среди сербов, бытует поверье, будто человек, бывший при жизни вервольфом, оборотнем, после смерти становится вампиром; таким образом, оба эти значения тесно связаны⁴⁶. В некоторых районах, особенно в Элиде⁴⁷, даже верили, будто тот, кто отведал мяса овцы, которую загрыз волк, после смерти превращается в вампира⁴⁸. Однако необходимо помнить, что хотя суеверия, касающиеся вервольфов и вампиров, во многих отношениях совпадают, а в некоторых моментах и полностью идентичны, все же, особенно в славянских преданиях, между ними наблюдаются весьма существенные различия. Ведь Славяне четко определяют вампира как перазжившееся и ожившее мертвое тело, возвращающееся на землю из своей могилы — в противном случае его нельзя, строго говоря, назвать вампиром. Вероятно, не будет преувеличением сказать (и нам еще выпадет случай это пронаблюдать), что представления собственно о вампирах являются специфической особенностью славянских — и отчасти соседних с ними — народов. Особенно часто подобные поверья встречаются в балканских странах, в Греции, а также в России, в Венгрии, Богемии, Моравии и Силезии. Разумеется, существует множество вариантов такого рода поверий, как на Западе, так и на Востоке, и в других странах имеются свои предания о вампирах, в точности соответствующие славянским нормам, но только за пределами отмеченных нами районов явления вампиров достаточно редки, тогда как в своей Ископной вотчине вампиры и по сей день пользуются ужасающим влиянием, и люди там боятся не столько призраков,, сколько возвращения этих мертвых тел, багровых и набухших, отвратительно раздувшихся от выпитой крови, падающих способностью вести непопятную, омерзительную, дьявольскую жизнь.

В датском и шведском языках мы имеем форму *vampyr*, в голландском — *vampir*, во французском — *le vampire*, в итальянском, испанском и португальском языках — *vampiro*, в современной латыни — *vampyrus*⁴⁹. Оксфордский словарь дает вампиру следующее определение: «Сверхъестественное существо (согласно изначальным страшным поверьям — оживший труп);

считается, что оно добывает себе пропитание и причиняет тем самым вред, высасывая кровь у спящих; мужчины или женщины, наделенные аналогичными аномальными способностями». Первым замеченным примером использования этого слова в литературе, является, видимо, упоминание о вампирах в «Путешествиях трех английских джентльменов» — произведении, написанном около 1734 года и опубликованном в IV томе «Харлейского альманаха» (1745); там встречается следующий пассаж: «Мы не должны упустить случая отметить здесь, что наш помещик [в Лаубахе], кажется, обратил определенное внимание на то, что рассказывал о вампирах барон Вальватор, утверждавший, будто ими просто кишат отдельные части нашей страны. Считается, что эти вампиры представляют собой не что иное, как тела умерших людей, оживленные злыми духами. Эти трупы встают по ночам из могил и высасывают кровь из множества живых людей, уничтожая их таким образом». Вскоре представления о вампирах и само это слово стали совершенно привычными, и Оливер Голдсмит в своем «Гражданине Мира» (1760—1762) употребляет фразу, которая уже тогда воспринималась как вполне обычная: «От еды у него наступает пресыщение, и в конце концов он начинает сосать кровь, подобно вампиру».

У Джонсона в издании Лэтэма (1870) мы находим: «Вампир. Существо, считающееся демоическим; утверждают, что оно с удовольствием пьет кровь у живых людей и оживляет умерших, которые, будучи извлечены из могил, якобы сохраняют вид цветущий и полнокровный». А вот цитата из «Замечаний о революции 1688 года» Формэна (1741), демонстрирующая, что уже очень скоро слово «вампир» обрело и переспособленное значение: «Они — вампиры, сосущие кровь народа, и грабители королевства». У Дэвида Мэллеса в его произведении «Зефир, или Военная хитрость» есть такие строки:

*Сумеет ли Россия с вампирами венгерскими
И орды варваров с войсками имперскими
— Из этих сил одна — верх одержать
И наши похвалы заслуженно снискать?*

В XVII веке о вампирах писали некоторые путешественники и ученые авторы. Так, имеется знаменитый трактат «De Graccorum hodie quorundam opinionibus» Леопе Аллаччи⁵⁰; есть несколько подробных отчетов, содержащихся в «Relation de ce qui s'est passe a Sant-Erini Isle de l'Archipel»⁵¹ отца Франсуа Ришара, священника-иезуита с острова Санторини (Тира) — данная работа была опубликована в Париже в 1657 году. Поль Рико, одно время служивший английским консулом в Смирне, в своем труде «Современное положение греческой и армянской церковей Anno Christi» (Лондон, 1679)⁵², упоминает о предании, приводя поразительный пример, но он фактически не употребляет слова «вампир». В 1679 году Филипп Рор⁵³ опубликовал в Лейпциге свой трактат «De Masticatione Mortuorum», за которым в XVIII веке последовала целая серия академических трактатов, таких как «Dissertatio de Hominibus post mortem Sanguisugis, vulgo dictis Vampyren» («Рассуждения о людях, после смерти ставших кровососами, в просторечии именуемых вампирами»; авторы Иоганн Христофор Роль и Иоганн Хертель, Лейпциг, 1732); «Dissertatio de cadaveribus sanguisugis» (автор Иоганн Христиан Шток, Иен, 1732); «Dissertatio de Vampyris Serviensibus» (авторы Иоганн Генрих Цонфиус и Карл Франциск ван Дален, 1733). Все эти трактаты, в определенном смысле, проложили дорогу знаменитому труду Иоганна Христиана Харшенберга «Von Vampyren» («О вампирах»)⁵⁴.

В 1744 году в Неаполе был издан «presso i fratelli Raimondi»* широко известный «Dissertazione sopra i Vampiri» («Трактат о вампирах») Джузеппе Даванцати, архиепископа транийского. Эта книга уже широко ходила в рукописях — «la sua Dissertazione sopra i Vampiri s'era sparsa per tutta l'Italia benché manoscritta»**, как сообщает анонимный биограф — и экземпляр ее даже подарили Святейшему Отцу, просвещенному папе Бенедикту XIV, который в своем письме от 12 января 1743 года любезно поблагодарил автора работы, не скупясь на похвалы в его адрес. «L'abbiamo subito letta con piacere, e nel medesimo Tempo ammirata sì per la dottrina, che per vasta crudizione, di cui ella è fornita»*** — писал папа. Будет вполне уместно привести здесь наше собственное небольшое примечание к «Dissertazione sopra i Vampiri», который, хотя и выдержал

второе издание («Napoli. M. DCC. LXXXIX. Presso Filippo Raimondi»***), в Англии, видимо, совершенно неизвестен, и, что довольно странно, его экземпляра нет даже в Библиотеке Бриганского музея. По поводу этой книги хотелось бы заметить, что поскольку аргументы и умозаключения доброго архиепископа носят философский характер, то для нас, признающих свою эрудицию и умение отстаивать свои позиции, все же допустимо не согласиться с ним, но придерживаться противоположных взглядов.

Джузеппе Даванцати родился в Бари 29 августа 1665 года. Начав учебу в иезуитском колледже в своем родном городе, он в возрасте пятнадцати лет перевелся в университет Неаполя. К тому времени юноша принял решение сделать карьеру священника, и по прошествии трех лет, когда родителей его уже не было в живых, он поступил в университет города Болонья, где весьма отличился в естественных науках и математике. Следующие несколько лет Джузеппе провел в путешествиях; в этот период в качестве основного своего места жительства он выбрал Париж, essendo molto innamorato delle maniere, e de' costumi de' Francesi*. Даванцати по очереди посетил Испанию, Португалию, Нидерланды, Германию, Швейцарию; рассказывают, что он неоднократно выражал желание перебраться в Англию, nobile sede dell' Arti e delle Scienze**, но по тому или иному стечению обстоятельств его желание снова и снова не удавалось осуществиться. В начале правления папы Клементя XI (1700—1721) молодого человека призвали обратно в Италию. Будучи рукоположен в священники епископом Монтемартино (Салерно), Даванцати получил назначение на должность казначея в знаменитом святилище св. Николы в Бари. Его одаренность быстро привлекла внимание, и вскоре папа направил Даванцати легатом — чрезвычайным послом — к императору Карлу VI в Вену. С этой сложной и ответственной миссией новый посол справился столь блестяще, что в награду ему по возвращении пожаловали архиепископство в Трапани и оказали многие другие почести. Этот благородный прелат продолжал быть в милости и у преемников папы Клементя XI: Иннокентия XIII (1721—1724), Бенедикта XIII (1724—1730) и Клементя XII (1730—1740); а после смерти этого (последнего) понтифика на его место избрали кардинала Просперо Лоренцо Ламбертини — старого и близкого друга Даванцати — ставшего Бенедиктом XIV. Хотя архиепископу Даванцати было уже семьдесят пять лет, он все же предпринял поездку в Рим, чтобы поцеловать туфлю нового папы, который принял его крайне радушно и со всеми подобающими почестями. После смерти монсиньора Криспи, архиепископа Феррары, верховный понтифик 2 августа 1746 года назначил Джузеппе Даванцати на должность архиепископа александрийского, которая оставалась вакантной в связи с копчипой вышеупомянутого прелата. В начале февраля 1755 года архиепископ Даванцати подхватил тяжелую простуду, перешедшую в воспаление легких. В ночь на шестнадцатое февраля, поддерживаемый церковными молитвами и благословениями, он упокоился с миром в возрасте 89 лет, 5 месяцев и 16 дней.

Точком к написанию *Dissertazione sopra i Vampiri* послужили разнообразие дискуссии, проводившиеся на протяжении 1738—1739 годов в Риме в покоях кардинала Шратгембаха, епископа города Ольмюц. Шратгембах решил организовать эти дискуссии в связи с официальными докладами о случаях вампиризма, представленными ему собранием каноников его епархии. Кардинал ожидал советов и сотрудничества от различных ученых членов Священной Коллегии и других прелатов. Среди них был и Даванцати, который откровенно признается, что до тех пор, пока кардинал не обратился к нему за советом, подробно изложив суть дела, он не имел ни малейшего представления о вампирах.

Свое произведение Даванцати начинает с изложения широко известных и подкреплённых

* «Издано братьями Раймонди» (итал.).

** «Трактат его ходил по всей Италии еще в рукописях» (итал.).

*** «Мы его [трактат] прочли по случаю, причем с большим удовольствием и в восхищение пришли от великой учености и блестящей эрудиции автора, коими сия работа премного украшена» (итал.).

**** «Неаполь, М. DCC. LXXXIX. Издал Филиппо Раймонди» (итал.).

* «Будучи в величайшем восторге от манер и обычаев французов» (итал.).

** «Благородное пристанище искусства и науки» (итал.).

свидетельствами случаев вампиризма, особенно тех, что имели место в Германии на протяжении недавнего периода, в 1720—1739 годах. Он демонстрирует хорошее знание литературы на эту тему. Архиепископ решает, что данные феномены нельзя отнести к разряду видений и призраков, а следует объяснять каким-то совершеннейшим иным способом. Он находит, что, за редким исключением, как древние, так и современные философы, видимо, ничего не знают о вампиризме, который сам автор, подкрепляя свои доводы соответствующими ссылками на книгу «Malleus Malleficarum» («Молот ведьм») и на Дельрио, совершенно справедливо считает дьявольским по своему происхождению, независимо от того, является он иллюзией или нет. Далее Даваццати пускается в довольно пространные, занимающие несколько весьма интересных глав, рассуждения о степени демонической мощи. В главе XIII автор говорит «Delle forza della Fantasia»*, а в главе XIV он утверждает, «Che le apparizioni de' fantasmi, e dell' ombre de' Morti, di cui fanno menzione gli Storici, non siano altro che effetto di fantasia»**. Здесь мы берем на себя смелость вступить в дискуссию с автором, и сегодня большинство исследователей согласится, что его аргументация по меньшей мере рискованна. Не можем мы принять и того, «Che l' apparizione de' Vampiri non sia altro che puro effetto di Fantasia»***. Истина лежит гораздо глубже, что хорошо знал Леоне Аллаччи. И тем не менее, при всех своих промахах и недостатках «Трактат о вампирах» заслуживает серьезного изучения: многие материалы в нем поданы просто прекрасно, многое очень ценно, хотя в свете более полных исследований и более точных знаний выводы автора не могут получить надежного подтверждения.

Еще более громкую известность, чем книга Даваццати, получили «Dissertations sur les Apparitions des Anges, des Demons et des Esprits, et sur les Revenants et Vampires de Hongrie, de Boheme, de Moravie et de Silesie» («Рассуждения о явлениях ангелов, демонов и духов, а также призраков и вампиров в Венгрии, Богемии, Моравии и Силезии»), опубликованные в 1746 году в Париже издательством Дебюра старшего (в двух томах или дуодецимо⁵⁵). Работа эта неоднократно переиздавалась и была переведена в 1752 году на немецкий язык, а в 1759 — на английский; второе издание вышло в свет в 1757—1758 годах. В свое время книга пользовалась огромнейшим авторитетом, а поскольку на нее постоянно ссылаются и в наши дни, то будет весьма уместно вкратце рассказать о ее авторе — крупном специалисте в своей области.

Дон Огюстен Кальмэ, прославившийся как толкователь Библии, родился в Мени-ла-Орнь, близ Коммерси (Лотарингия) 26 февраля 1672 года и скончался в аббатстве Сенон, близ Сен-Дье, 25 октября 1757 года. Он обучался у монахов бенедиктинского монастыря в местечке Брей, и в 1688 году сам вступил в этот просвещенный орден в аббатстве св. Ман-сюи. На следующий год его туда официально приняли, а 17 марта 1688 года посвятили в духовный сан. Вскоре в аббатстве Муайен-Мутье, где Огюстен Кальмэ стал преподавать философию и теологию, он призвал всю общину помочь ему со сбором материалов для его обширного труда по Библии. Первый том его огромной книги комментариев «Commentaire litteral sur tous les livres de l'Ancien et du Nouveau Testament» («Буквальное толкование всех книг Ветхого и Нового заветов») вышел в свет в 1707 году в Париже, а последний из двадцати трех томов форматом в 1/4 листа был опубликован лишь в 1716 году. На протяжении XVIII века появилось несколько наиболее значительных переизданий этой работы, включая две ее версии на латыни: первая в переводе Ф. Вечелли была выпущена издательствами в Венеции и во Франкфурте в шести томах ин-фолио в 1730 году, вторая — версия Мадси Лукка, в девяти томах ин-фолио, вышла в свет в 1730—1733 годах; она впоследствии выдержала по крайней мере еще два издания. Вряд ли такой энциклопедический труд обошелся без отдельных мелких промахов, которые могут послужить поводом для критики, зато достоинства его непреходящи, а эрудиция автора воистину потрясает. И это лишь один из множества научных трудов на библейские темы, опубликованных доном Кальмэ; значение его работ современники ценили столь высоко, что трактаты Кальмэ сразу же переводились на латынь и основные современные европейские языки. Если добавить к этому его

* «О силе воображения» (итал.).

** «Что явления призраков и теней умерших, о которых упоминают историки, не что иное, как плод воображения» (итал.).

*** «Что явление вампиров — это не более, чем игра воображения» (итал.).

исторические и философские сочинения, то творческая плодовитость великого французского ученого кажется почти неправдоподобной. Столь выдающемуся человеку просто не могли не оказывать высокие почести в его собственной конгрегации, и лишь по убедительной просьбе самого Кальмэ папа Бенедикт XIII отказался от своих настойчивых попыток пожаловать ему кардинальскую митру, ибо этот понтифик неоднократно выражал горячее желание по достоинству оценить заслуги и ученость сенонского аббата.

На сегодняшний день самой известной работой донна Кальмэ, вероятно, является «Traite sur les Apparitions des Esprits, et sur les Vampires» («Трактат о явлении духов и о вампирах»), и в предисловии к книге аббат излагает причины, побудившие его взяться за это исследование.

О. Бердслей. «О Неофите, или Как демон Асомуэль воздействовал на него искусством черной магии»

Следует запомнить один момент, который он особо выделяет и который заслуживает подробного рассмотрения. Вампирами, как мы уже успели заметить, кишат, в первую очередь, славянские страны, а в Западной Европе такого рода явление до конца XVII века было достаточно малоизвестным. Несомненно, случаи вампиризма имели место, и они должным образом зафиксированы. К тому же там сталкивались с проявлениями колдовства, в которых есть немало общего с тем, что рассказывают о вампирах — особенно использование вредоносных

магических способностей, с помощью которых, например, ведьма могла истощать силы своих врагов: недруги слабели, хирели и чахли, иссыхая так, что становились похожими на скелеты — однако подобная магия не является собственно вампиризмом. Более подробные сведения об этих ужасах стали доходить до Западной Европы уже в XVIII веке; они сразу в значительной степени пролили свет на те отдельные, не связанные друг с другом случаи, свидетельства о которых появлялись время от времени; однако эти случаи казались совершенно изолированными, и их нельзя было отнести к какой-либо конкретной категории. Рассуждая об этом в 1746 году, дон Кальмэ, долгое время изучавший данную тему, отмечает, что определенные события, движения, проявления фанатизма и зверства характеризуют несколько конкретных веков. Далее он пишет: «В данный период времени и за последние лет шестьдесят мы стали свидетелями нового ряда необычных случаев и происшествий. Основным полем действия, где разворачиваются эти события, стали Венгрия, Моравия, Силезия и Польша. Ведь здесь нам рассказывают, будто покойники — люди, умершие несколько месяцев назад, — я бы сказал, возвращаются из могил и, по слухам, ходят и разговаривают, наводят на окрестные деревушки и села, нападают как на людей, так и на животных, высасывая их кровь, отчего жертвы слабеют, чахнут и в конце концов умирают. Люди не могут избавиться от подобных нападений, оградить себя от подобных налетов, если только не выкопают трупы из могил, не пронзят острыми кольями им грудь, не вырвут сердце и не обезглавят; бывает, что трупы просто сжигают дотла. Люди называют эти исчадия ада упырями или вампирами, т. е. кровопийцами. Рассказы о них настолько необычны, изобилуют такими подробностями и связаны с обстоятельствами столь правдоподобными (что можно сказать и о наиболее важных, тщательно зафиксированных свидетельских показаниях под присягой), что, кажется, просто нельзя не присоединиться к бытующему в указанных странах поверью, будто эти призрачные создания на самом деле выходят из могил и способны на те ужасные злодеяния, которые им приписывают... Бриколаки (vrykolakes) континентальной Греции и греческого Эгейского архипелага — это призраки совершенно нового типа». Затем автор сообщает, что у него есть веские основания заняться темой вампиров — в особенности тех, которые заполонили Венгрию, Моравию, Силезию и Польшу, — хотя ему известно, что тем самым он подставляет себя под перекрестный огонь унизительной критики. Многие будут вменять ему в вину опрометчивость и безрассудство, которые он якобы проявил, осмелившись усомниться в определенных подробностях этих рассказов, чья достоверность уже установлена. Другие же станут подвергать его нападкам за то, что он напрасно потратил время, взявшись писать на тему, которая кажется им пустой и легкомысленной. «Как бы то ни было, — продолжает он, — пусть каждый относится к этому как угодно, однако, на мой взгляд, полезно и воистину должно исследовать вопрос, имеющий, судя по всему, самое серьезное отношение к религии. Если правда, что вампиры обладают способностью выходить из могил, то возникает необходимость доказывать и отстаивать эту истину; если же подобные поверья ошибочны, иллюзорны, то отсюда следует, что в интересах религии — раскрывать глаза на это тем, кто заблуждается, что мы должны разоблачать беспочвенные суеверия, заблуждения, которые могут иметь серьезные и опасные последствия».

В первой главе второго тома, в котором непосредственно обсуждается тема вампиров (первый том посвящен предварительному, в общих чертах, описанию разных видов призраков и привидений), дон Кальмэ снова даст определение вампирам, и, несмотря на опасность некоторого злоупотребления повторами, мы все же должны вновь его процитировать⁵⁶: «Призраки (ревспапты) Венгрии, или вампиры... — это люди, уже в течение более или менее значительного периода являющиеся покойниками; они выходят из могил, нарушая покой живых, чью кровь они сосут и пьют. Внешне вампиры выглядят, как люди; они с громким стуком ломятся в двери, и стук этот гулким эхом гуляет по всему дому; стоит им попасть внутрь, как они сразу же сеют смерть. Такого рода призраков называют вампирами или упырями, что в славянских языках означает «кровопийцы». Единственный способ оградить себя от домогательств вампира — это выкопать труп из могилы, обезглавить его, воткнуть ему в грудь кол, дабы пронзить самое сердце, или сжечь труп дотла».

Здесь можно отметить, что хотя на протяжении нашего повествования вам доведется столкнуться на страницах книги со многими призраками из семейства вампиров и познакомиться с

родственными суевериями и преданиями, но главная черта, отличающая собственно вампира, — то, что он представляет собой мертвое тело, ожившее и ведущее жуткое, дьявольское существование. Он выходит из могилы, чтобы терзать живых людей, высасывая у них кровь, которая и дает ему новую жизненную энергию и свежие силы. Так как вампиры, в частности, нередко встречаются в Греции, давайте последуем в описании этой язвы за греческим автором. Одним из первых — если не самым первым — кто в XVII веке стал писать о вампирах, был Леоне Аллаччи (Алаци), более известный под латинизированным именем Лео Аллациус (Leo Allatius)⁵⁷. Этот ученый — филолог-классик и богослов — родился на острове Хиос в 1586 году и умер в Риме в январе 1669 года. В четырнадцать лет он поступил в греческий колледж в Риме. Закончив его с отличием и получив самые лестные отзывы, он возвратился на Хиос, где его знания весьма пригодились католическому епископу Марко Джустипиани. В 1616 году Аллаччи была присвоена степень доктора медицины, а чуть позже он, получив назначение в библиотеку Ватикана, стал еще и преподавать риторику в греческом колледже. В 1622 году папа Григорий XV направил Аллаччи в Германию руководить перевозкой в Рим пфальцграфской библиотеки Гейдельберга, которую пфальцграф Максимилиан I передал в распоряжение папы в обмен на субсидии, которые обеспечили княжеству Пфальц возможность вести войну против федерации протестантских князей. Свою задачу, представлявшую неимоверную сложность, если учесть разруху, в которой пребывало княжество, Аллаччи выполнил самым успешным образом, и в годы правления пап Урбана VIII и Иннокентия X продолжал свою работу в ватиканской библиотеке, особо сосредоточившись на пфальцграфских манускриптах. В 1661 году папа Александр VI в знак признания выдающейся учености Аллаччи и его обширных научных изысканий назначил его хранителем этой библиотеки. Ученый был горячим приверженцем идеи воссоединения Церквей, в связи с чем написал свой великий труд «*De Ecclesiae Occidentalis atque Orientalis*» («О вечном согласии между Церковью Западной и Церковью Восточной»), в котором всячески подчеркивал моменты сдвигания, а о разногласиях старался говорить как можно меньше и вообще упоминать о них вскользь.

В своем трактате «*De Graecorum hodie quorandam opinionibus*» (Кельн, 1645) Аллаччи обсуждает множество преданий и довольно много говорит о вампирах, о которых, в частности, сообщает следующее: «Вриколак (Vrykolakas) — это труп человека, при жизни предававшегося греху и распутству, нередко — одного из тех, кто был отлучен от церкви своим епископом. Подобные тела не подвергаются разложению и не превращаются в прах, но, обладая кожей крайне прочной и упругой, раздуваются во все стороны так, что у них едва можно согнуть суставы; кожа их растягивается, как пергамент, которым обтягивают барабаны, и если по ней постучать, она издает точно такой же звук, вследствие чего вриколак и получил название «барабаноподобный». Согласно этому автору, таким телом овладевает демон, и тогда оно встает из могилы и, преимущественно по ночам, ходит по улицам села, громко стучась в двери и выкликая по имени одного из домочадцев. Но если названный человек невольно отзовется, то на следующий день непременно умрет. Однако вриколак никогда не вызывает по имени дважды, и поэтому жители Хиоса, прежде чем отозваться любому, кто стучится ночью, всегда на всякий случай ждут, пока зов не повторится. «Говорят, что это чудовище столь пагубно для людей, что на самом деле может появляться и в дневное время, даже в самый полдень⁵⁸, причем не ограничиваясь деревенскими домами, а посещая отгороженные виноградники или выходя на открытую местность, набрасываясь внезапно на работающих в поле крестьян или на прохожих, идущих по большой дороге. Оно способно убивать одним своим видом, внушающим ужас, даже не пытаясь хватать людей и не произнося ни слова». Соответственно, и скоростная смерть по невыясненной причине должна вызывать самые серьезные подозрения, и если есть какой-либо повод для беспокойства или начинают ходить слухи о появлении призраков, спешат разрыть могилу умершего, и труп нередко находят в описанном выше состоянии. Тогда без промедления «его извлекают из могилы, священники произносят подобающие молитвы, и труп бросают в жарко пылающий погребальный костер. Еще до того, как будут завершены молитвы, кожа начнет отходить, и тело начнет распадаться, а затем огонь истребит его дотла».

Затем Аллаччи обращает внимание читателей на то, что обычай этот в Греции отнюдь не нов и происхождение его нельзя считать недавним. Автор рассказывает, что «в древности так же, как и в современную эпоху, святые и просто люди высокого благочестия, исповедовавшие христиан, всегда

старались отвлечь их от подобных суеверий и выкорчевать эти предрассудки из народного сознания». И с этой целью, разумеется, он приводит цитату из помоканона — авторитетного указа⁵⁹ греческой церкви: «Что касается умершего, то, если труп его оказывается целым и невредимым, его называют вриколаком».

«Невозможно, чтобы покойный стал вриколаком иначе чем по воле дьявола, который, желая издеваться над некоторыми людьми и ввести их в заблуждение, дабы они навлекли на себя гнев Небес, вызывает эти темные чудеса и столь часто по почам он насыпает чары, благодаря чему людям кажется, будто им является покойник, с которым они прежде были знакомы, и ведет с ними беседы; и в снах они тоже видят страшные картины. Иной раз им может привидеться, будто он расхаживает туда-сюда по проселочной, а то и по большой дороге или просто стоит на месте; более того — рассказывают, что он припирался душить людей и убивал их».

Сразу же начинается прискорбная суета, по всей деревне поднимается переполох, всюду шум и гам, так что все бросаются к могиле и откапывают покойника... и кажется им, что покойник — тот, который давно умер и был похоронен — сейчас перед ними как живой... И поэтому они общими усилиями собирают громадный штабель дров для погребального костра и поджигают его, положив сверху труп, дабы огонь истребил его окончательно».

Что чрезвычайно любопытно, после настойчивых заявлений о том, будто подобные явления — это просто суеверия и игра воображения, в помоканоне говорится следующее: «Да будет вам известно, однако, что по обнаружении подобного перазложившегося тела, которое, как мы уже говорили, является делом рук дьявола, следует без промедления вызвать священников, дабы они прочли молитвы Пресвятой Матери Божьей... и провели заупокойную службу по усопшему с последующими поминками⁶⁰». Данный пункт является по меньшей мере явным свидетельством того, что автор или авторы указа в какой-то степени сами верили во вриколаков, и сдаётся мне, эти люди не включили бы в указ столь значимую предосторожность, если бы не находили её совершенно необходимой; успокоив свою совесть подчеркнуто официальным тоном этого документа, они сочли своим долгом предложить меры безопасности на случай возможного инцидента и вследствие затруднений и подозрений. В действительности же они самым очевидным образом страховались».

Аллаччи, во всяком случае, без колебаний провозглашал свои взгляды и вполне верил в существование вампиров. Он утверждает, причем совершенно искренне: «Это верх глупости — отрицать, что нередко в могилах находят подобные неразложившиеся трупы и что, используя оные, дьявол, с Божьего позволения, строит самые жуткие козни против человечества и выпашивает самые страшные планы с целью как можно больше ему навредить». Отец Франсуа Ришар, на чью важную работу мы ссылались выше, недвусмысленно заявляет, что, в частности, в Греции дьявол может орудовать посредством этих мервых тел так же, как и через колдунов, и все это становится возможным благодаря какому-то непостижимому провиденциальному замыслу. И не вызывает сомнений, что вампиры действуют под сатанинским влиянием и под сатанинским руководством. Здесь уместнее всего привести мудрые слова св. Григория Великого, хотя и сказанные по другому случаю⁶¹: «*Qui tamen non esse incredibilia ista cognoscimus, si in illo et alia facta pensamus. Certe iniquorum omnium caput diaboli est: et huius capitis membra sunt omnes iniqui*». Все это, разумеется, с божественного разрешения. Авторы труда «Молод ведьм» в первой части книги учат нас, каковы «три необходимых сопутствующих элемента колдовства — это Дьявол, Ведьма и Позволение Божье». Вот вам, соответственно, и три необходимых сопутствующих элемента вампиризма, а именно: Дьявол, Мертвое тело и Позволение Божье. Отец Ришар пишет: «Дьявол оживляет и снабжает энергией эти мертвые тела, которые долгое время сохраняет целыми и невредимыми; это именно он действует под личиной умершего, под его настоящей внешностью, начиная разгуливать по улицам, а вскоре уже расхаживая по полям и проселочным дорогам. По пути он врывается в дома, нагоняя на людей жуткий страх; многие цепенеют, а иные даже умирают от испуга; дьявол же прикидывается за жестокие и кровавые деяния, вселяя ужас в сердце каждого». Далее святой отец повествует, как сначала он считал, что эти призраки — просто привидения из чистилища, вернувшиеся с просьбой о помощи, о мессах и о благочестивых молитвах за упокой их душ⁶²; однако, изучив этот вопрос во всех подробностях, он обнаружил, что столкнулся с чем-то совершенно иным: привидения из чистилища не совершают разнузданных поступков, яростных

палстов — таких, когда страдает человеческое имущество, скот, а порой и сами люди. Значит, у этих пришельцев чисто дьявольское происхождение, и тогда за дело берутся священники, которые собираются по субботам, ибо это единственный день, когда вриколак остается в своей могиле и не способен разгуливать по земле.

Стоит вспомнить, что суббота была единственным днем в неделю, когда ведьмы избегали проводить свои сборища; в этот день они никогда не устраивали шабашей, ибо суббота посвящена Непорочной Матери Божьей⁶³. «Хорошо известно, — говорит великий врачеватель св. Альфонсус⁶⁴, — что святой церковью суббота предназначена деве Марии, потому что, как сообщает нам св. Бернарду, в этот день — на следующий день после смерти Ее Сына — Она осталась тверда в вере своей» (*Per illud triste Sabbatum stetit in fide, et saluata mil Ecclesia in ipsa sola; propter quod, aptissime tota Ecclesia, in laudem et gloriam eiusdem Virginis, diem Sabbati per totius anni circumferentiam celebrare consuevit*)⁶⁵. В Англии этот превосходный обычай посвящения был известен давно — с англосаксонских времен, так как еще в Леофрийском служебнике за субботах была закреплена специальная месса в честь Богоматери.

Мистер Г. Ф. Эббот в своей работе «Македонский фольклор»⁶⁶ рассказывает, что в Северной Греции «считается, что люди, родившиеся в субботу (отсюда и их название — «сав-ватианс», т. е. «люди субботы»), пользуются сомнительной привилегией видеть призраков и фантомов, а также способны сильнейшим образом воздействовать на вампиров. В Сохо местный житель рассказывал автору: про одного такого человека известно, что он как-то хитростью заманил вриколака в амбар и усадил пересчитывать зерна в куче проса⁶⁷. Когда демон увлекся этим занятием, савватианин набросился на него и пригвоздил к стене... В местечке Льякковикья убеждены, что савватианин силой своей обязан маленской собачке, которая каждый вечер сопровождает его и отгоняет вриколаков. Говорят вдобавок, что в таких случаях савватианин невидим для всех, кроме этой собачки».

Кроме того, по субботам священники возглавляют процессию, направляющуюся к могиле, где лежит покойник, подозреваемый в вампиризме. Труп торжественно эксгумируют, и «если он оказывается неразложившимся, это воспринимают как убедительное доказательство того, что он служил орудием в руках дьявола».

Подобное противоестественное состояние тела считается верным признаком вампира и важной чертой вампиризма вообще. В греческой церковной среде бытует мнение, что вампиризм является результатом отлучения от церкви, и это действительно четко и определенно вписывается в догматы православной веры, о чем мы поговорим чуть позже.

Мне думается, вполне возможно, что развитию преданий о вампирах и укреплению веры в феномен вампиризма способствовали случаи каталепсии, или временного прекращения функций организма: это приводило к тому, что людей преждевременно хоронили. Некоторые светила медицины считают, что каталепсия целиком или почти целиком относится к сфере психики и определенно не является болезнью в истинном смысле этого слова, хотя и может быть симптомом неизвестных заболеваний, возникающих в результате нервных расстройств. Один крупнейший медицинский авторитет заявил, что «сама по себе каталепсия абсолютно не смертельна». Она принадлежит к области явлений, связанных с гипнотическим сном; говорят, она приходит на помощь человеку, когда нужно срочно отдохнуть и восстановить силы, особенно тогда, когда имеют место длительное умственное перенапряжение или физические перегрузки. Очень часто она возникает по причине сознательной или подсознательной аутоаггестии, т. е. самовнушения; каталепсию характеризуют как «экстренную попытку природы дать усталым нервам столь необходимую им передышку». Несомненно, что роковая ошибка, столь часто имевшая место в прошлом, случалась из-за того, что больного спешили радикальными средствами привести в сознание, вместо того чтобы дать позаботиться о выздоровлении самой природе. Если подобная попытка оказывается успешной, то она оборачивается страшным потрясением для перлов, которые жаждут отдыха; если же она явно не приносит результатов, больному грозит опасность аутопсии, т. е. вскрытия, или же он рискует быть погребенным заживо — трагедия, которая, надо опасаться, приключилась со многими людьми. Ясно, что на эти ужасные происшествия до сих пор еще не удосужились обратить самое серьезное внимание, какое только можно. Четверть века назад было подсчитано, что в Соединенных Штатах обнаруживается и фиксируется в отчетах в среднем не менее

одного случая преждевременного погребения в неделю. Это значит, что риск до срока подвергнуться подобной процедуре устрашающе велик. В прошлые столетия, когда знания были распространены гораздо меньше, когда адекватные меры предосторожности принимали редко, если вообще принимали, случаи прижизненных похорон, особенно в разгар эпидемий чумы и других массовых заболеваний, тем более не были из ряда вопиющих. В связи с этим уместно проиллюстрировать данное явление двумя-тремя примерами, относящимися к сравнительно недавнему периоду, т. е. к концу девятнадцатого века.

Молодая леди, проживавшая близ города Индианаполис, вернулась к жизни после четырнадцати дней временной остановки жизненных функций организма. Перед этим не менее шести врачей проводили обычное в таких случаях обследование, и все без колебаний подписали документы, свидетельствующие о ее смерти. Братишка «покойной», вопреки единодушию врачей, вцепился в сестру и заявил, что она жива. Родителей охватила глубочайшая скорбь, но в конце концов настал момент вынести мертвое тело. Мальчуган всячески пытался этому воспротивиться, и в крайнем волнении задел за бинты, поддерживавшие челюсть сестры. Повязка ослабла и частично съехала; тут стало заметно, что губы девушки дрожат, и она медленно шевелит языком. «Чего ты хочешь? Чего ты хочешь?» — вскричал ребенок. «Воды», — последовал тихий, но отчетливый ответ мнимого трупа. Тут же подали воду, пациентка окончательно пришла в себя и после этого прожила в добром здравии до глубокой старости.

Некую леди, которая сейчас заведует хозяйством одного из крупнейших в Соединенных Штатах сиротских приютов, аж два раза признавали мертвой присутствующие врачи. Дважды ее тело успевали окутать саваном, и оба раза она возвращалась к жизни благодаря своим друзьям. Во втором случае с учетом предыдущего опыта были приняты исключительные меры предосторожности. Врачи провели все мыслимые обследования, и, как говорится, не осталось места для сомнений. Медики на тот момент уже покинули дом, и владелец похоронного бюро приступил к своим скорбным обязанностям. Но тут тело леди случайно укололи булавкой, и друзья жемчужицы, к радости своей, заметили, что из уколочного места стала сочиться кровь. Семья больной настояла на том, чтобы отложить похоронные приготовления; пациентке решительным образом обеспечили надлежащий уход, и вскоре она вернулась к жизни. На сегодняшний день эта жемчужина исключительно активно и энергично проявляет себя в должности администратора. Следует отметить, что, по ее словам, все эти печальные дни ее ни на мгновение не покидало сознание, и она прекрасно понимала, что значат все эти усердные неуместные обследования, но в то же время испытывала полнейшее равнодушие к их результатам. Приговор врачей, констатировавших ее смерть, не вызвал у нее ни удивления, ни намека на тревогу. Очень похожий случай произошел с весьма состоятельным джентльменом, одним из самых видных горожан Гаррисберга, штат Пенсильвания. После продолжительной болезни он будто бы скончался от ревматической атаки, которую осложнила сердечная недостаточность. Были произведены все приготовления к похоронам, однако его жена решила отложить сами похороны по меньшей мере на неделю: настолько сильно она боялась, что ее супруга могут похоронить заживо. Через два или три дня она заметила, что муж пошевелился: глаза его широко раскрылись, а одна рука вышла из того положения, которое ей заботливо придали. Жена пронзительно закричала, обращаясь к нему по имени, после чего супруг медленно поднялся и с ее помощью сел на стул. Немедленно вызвали врачей, но еще до их прихода к пациенту в значительной степени вернулись силы, причем вместе со способностью двигаться, которой он был лишен на всем протяжении болезни. Джентльмен быстро пошел на поправку и вскоре уже был в превосходной форме, и, что весьма примечательно, он утверждал, что в период временного прекращения жизненных функций организма он прекрасно сознавал все, что происходило вокруг, и что из-за горя, которое испытывала его семья, сердце его разрывалось от жуткой скорби; его страшили приготовления к похоронам, однако он был не в состоянии пошевелить хотя бы одним мускулом и произнести хоть слово.

В свое время произвела настоящую сенсацию смерть Вашингтона Ирвинга Бишона, знаменитого телената. Прежде ему приходилось пребывать в каталептическом состоянии по семь часов, но однажды его транс длился так долго, что двое врачей констатировали его смерть. Сегодня мало кто сомневается, что решение о вскрытии тела приняли с недопустимой поспешностью и что

несчастный был жив, пока нож хирурга не проник в его мозг.

Хотя фактически на протяжении веков были зафиксированы лишь отдельные подобные случаи, на самом деле трагических эпизодов, когда мнимых покойников хоронили заживо и аутопсию производили на живых людях, бесчисленное множество. Один из таких случаев чуть было не произошел с великим гуманистом Марком-Антуаном Мюрэ⁶⁸, который во время одного из путешествий заболел и слег и которого доставили в местную больницу как простого иностранца, чьего имени никто не знал. Когда он, даже не потеряв сознания, лежал с закрытыми глазами на грубом соломенном тюфяке, вокруг больного в полном составе собрались врачи, читавшие в это время лекцию по анатомии и жаждавшие найти подходящий объект, который помог бы им проиллюстрировать их теории. Медики рьяно обсуждали спорные вопросы, и старший врач,

А. Ж. Вирц. «Заживо погребенный»

решивший, что пациент умер, важно произнес, указывая на тело: «*Faciamus experimentum in anima vili*» («Приступим к эксперименту над этой жалкой душонкой»). Мнимый труп широко открыл глаза и тихо, но отчетливо ответил: «*Vilem ani-mam appellas pro qua Christus non dedignatus est mori*» («Душонкой жалкой ту душу называешь, за которую Христос жизни своей не пожалел»).

Когда скоропостижно скончался кардинал Диего де Эспи-носа, епископ Сигуэнсы и великий инквизитор Испании при Филиппе II, то тело покойного, как это было принято по отношению к прелатам, стали готовить к бальзамированию перед тем, как выставить для прощания. В присутствии нескольких врачей хирург с этой целью приступил к операции. Он сделал глубокий надрез, и говорят, что взорам окружающих предстало сердце, и было видно, как оно бьется. В это роковое мгновение кардинал пришел в себя, и тогда у него даже хватило сил перехватить занесенную над ним руку анатома со скальпелем. А в первые годы девятнадцатого столетия подобной прижизненной подготовке к бальзамированию подверглись также кардинал Спинола и восьмидесятилетний кардинал делла Сомалья.

В седьмой книге своего «Естествознания» («*Historia Naturalis*») Плиний рассказывает множество случаев с людьми, которые, будучи признаны мертвыми, вдруг оживали. «*Aviola consularis in rogo revixit: et quoniam subveniri non potuerat prae valente flamma, vivus crematus*

est. Similis causa in L. Lamia praetorio viro traditur. Nam C. Aclium Tuberonem praetura functum a rogo relatum, Messala Rufus, et plerique tradunt. Haec est conditio mortalium: ad has, et eiusmodi occasiones fortunae gignimur, uti de homine ne morti quidem debeat credi. Reperimus inter exempla, Hermetini Clazomenii animam relicto corpore errare solitam, vagamque e longinquo multa annuntiare, quae nisi a praesente nosci non possent, corpore interim semi-animi: donec cremato eo inimici (qui Cantharidae vocabantur) remeanti animae velut vaginam ademerint. Aristaeae etiam visam evolutam ex ore in Proconneso, corui effigie, magna quae sequitur fabulositate. Quam e quidem et in Gnosio Epimenide simili modo accipio: Puerum aestu et itinere fessum in specu septem et quin-quaginta dormisse annis: reram faciem mutationemque mirantem velut postero expectatum die: hinc pari numero dierum senio ingruente, ut tamen in septimum et quinquagesimum atque centesimum vitae duraret annum. Feminarum sexus huic malo videtur, maxime opportunus, conversione vulvae: quae si corrigatur, spiritus restituitur. Huc pertinet nobile apud Graccos volumen Heraclidis, septem diebus feminae examinis et vitam revocatae.

Varro quoque auctor est, XX. Viro se agros dividende Capuae, quemdam qui esseret, foro primum remansisse pedibus. Hoc idem Aquini accidisse. Romae quoque Corsidius materterae suae maritum sumere locatè reuxisse, et locatorem funcribus ab eo elatum. Adicit miracula, quae tota indicasse conveniat. E duobus fratribus equestri ordinis, Corsidio maiori accidisse, ut videretur exspirasse, apertoque testamento recitatum herdem minorem funeri instituisse; interim cum, qui videbatur extinctus, plaudendo concivisse ministeria, et narrasse «a fratre se venisse, commendatum sibi h'liam ab eo. Demonstratum praeterea, quo in loco defodisset aurum nullo conscio, et rogasse ut iis funebris, quae comparasset, esseret». Hoc eo narrante, fratris domestici propece annuntiavere exanimatum illum: et aurum, ibi dixerat, repertum est. Plenum praeterea vita est his vaticiniis, sed non conferenda, cum saepius falsa sint, sicut ingenti exemplo docebimus. Bello Siculo Gabienus Caesaris classarius fortissimus captus a Sex. Pompeio, iussu eius incisa ceruice, et vix cohaerente, iacuit in litore toto die. Deinde cum advesperavisset, cum gemitu precibusque congregatae multitudinis petiit, uti Pompeius ad se veniret, aut aliquem ex arcanis mitteret: se enim ab inferis remissum, habere quae nuntiaret. Misit plures Pompeius ex amicis, quibus Gabienus dixit: «Inferis diis placere Pompeii causas et partes pias: proinde eventum futurum, quem optaret: hoc se nuntiare iussum: argumentum fore veritatis, quod praetis mandatis, protinus exspiraturus esset»: idque ita evenit. Post sepulturam quoque visorum exempla sunt: nisi quod naturae opera, non prodigia consecramur»⁶⁹.

Верно сказано у Плиния, что «Таково положение человечества, и настолько пагубно суждение людей, что даже сама смерть они неспособны определить». Словам древнеримского мудреца стали вторить многие современные авторитеты. Сабетти в своем Трактате XIV «О последнем соборовании. Компендий моральной теологии» вопрошает: «Quid sacerdoti agendum sit si ad aegrotum accedat, cumque modo mortuum, ut vulgo dicitur, inveniat?» («Что делать священнику, если он придет к больному и найдет его недавно умершим, как говорится в простонародье?»). В процессе решения этого вопроса Сабетти утверждает: «Iam age ex sententia plurimorum medicorum' doctis, simorurh probabile est homines in omnibus ferme casibus post instans mortis, ut vulgo dicitur, seu post ultimam respirationem, intus aliquamdiu vivere, brevius vel diutius, iuxta naturam causae quae mortem induxit. In casibus mortis ex morbis lenti progressus probabile est vitam interne perdurare aliquot momenta, sex circiter, vel, iuxta quosdam peritos, unam dimidiam horam: in casibus vero mortis repentinae vita interna perdurat longius, forte non improbabiliter, usque ad putrefactionem» («Ведь, по мнению многих ученейших медиков, вероятно, что почти во всех случаях люди после «момента смерти», как говорит простой народ, или после последнего вздоха еще некоторое время сохраняют внутреннюю жизнь, долго ли, коротко ли — в зависимости от причины, вызвавшей смерть. В случае смерти от продолжительной, тяжелой болезни бывает, что жизнь сохраняется внутри тела некоторое время — примерно шесть часов, а согласно некоторым знатокам — до полутора часов. В случае же внезапной смерти жизнь в теле длится дольше — вполне возможно, вплоть до разложения трупа»). Профессор Хаксли писал: «Свидетельства простых наблюдателей в таком вопросе, как этот (о том, что человек мертв), абсолютно ничего не стоят. И даже свидетельства медиков, если только врач не является человеком исключительных знаний и квалификации, могут стоить пенального больше». «Бритиш Медикэл Джорнэл»⁷⁰ («Британский медицинский журнал») отмечает: «Едва ли какому-либо одному признаку

смерти, за исключением гниения, можно доверять как абсолютно надежному». Сэр Генри Томпсон писал: «Никогда не следует забывать, что есть лишь одно по-настоящему надежное доказательство того, что в любом из конкретных примеров наступила смерть, а именно — это наличие на теле явных признаков начавшегося разложения». А профессор Бруардсель многозначительно заявляет: «Мы вынуждены признать, что не располагаем признаком или группой признаков, достаточных для того, чтобы во всех случаях с научной достоверностью определять момент смерти». Полковник Воллем, доктор медицины, военный врач армии США и член-корреспондент Нью-йоркской академии наук, который в одном подобном случае сам едва не был погребен заживо, еще более настойчиво утверждает, что даже остановка сердцебиения и дыхания на весьма продолжительный срок вместе со всеми прочими признаками смерти, исключая разложение, не позволяют с уверенностью установить, что человек мертв. Полковник добавляет к этому ужасное предостережение о том, что «временно прекратившаяся жизнедеятельность организма может возобновиться после того, как тело предадут земле». Нет нужды вдаваться в подробности этих мучительных эпизодов, однако имеются исчерпывающие доказательства того, что такие случаи отнюдь не редкость. Доктор Турэ, присутствовавший при разрушении знаменитых склепов Невинных, рассказывал мопсильору Дежеспету: не вызывает сомнения то, что многие люди были там похоронены заживо, так как их скелеты нашли в таком положении, которое говорит о том, что эти люди поворачивались в своих гробах. Кемпнер приводит такие же подробности, описывая раскопки захоронений, имевших место в штате Нью-Йорк и других районах Соединенных Штатов, а также в Голландии и вообще повсюду.

Знаменитый исследователь доктор Франц Хартманн собрал подробные отчеты о более чем семистах случаях досрочного погребения и редких случаях, когда людям с трудом удавалось этого избежать; некоторые из таких эпизодов произошли по соседству от него. В своей выдающейся работе «Преждевременное погребение»⁷¹ он рассказывает об ужасном инциденте, произошедшем со знаменитой французской трагической актрисой мадемуазель Рашель, которая 3 января 1858 года «умерла» близ города Каши и которую собирались бальзамировать. После того как процедура началась, женщина внезапно вернулась к жизни — лишь для того, чтобы часов через десять на самом деле скончаться от шока и от нанесенных ей ран. Еще одно происшествие, представляющее особый интерес как связанное с Моравией, где чрезвычайно сильна вера в вампиров, случилось с почтмейстером одного моравского городка. Почтмейстера сочли умершим от приступа эпилепсии. Примерно через год возникла необходимость расширить один из трансептов — поперечных нефов приходской церкви за счет прилегающего к ней участка кладбища, а для этого пришлось заняться перезахоронением погребенных там тел. В процессе эксгумации вскрылся страшный факт: оказалось, что несчастного почтмейстера похоронили заживо. Это открытие привело врача, подписавшего в свое время свидетельство о смерти, в такой ужас, что он лишился рассудка.

В церкви св. Джайлза, что в Криплгейте, у алтаря до сих пор еще можно увидеть монумент в честь Констанс Уигни, чьи многочисленные добродетели в несколько напыщенной манере описаны на мраморной стеле. Над этими скрижалями возвышается фигура леди, запечатленная в тот момент, когда она поднимается из гроба. Можно было бы воспринять подобную сцену как прекрасную аллегория, но это не так, ибо монумент отражает совершенно реальное событие. Несчастную леди похоронили, когда она пребывала в состоянии временного прекращения жизненных функций организма. Она пришла в себя, когда могильщик осквернил ее могилу и открыл гроб, загоревшись желанием похитить оставшееся на пальце у Констанс драгоценное кольцо⁷². В прежние годы, когда осквернение могил и ограбление покойников были отнюдь не редкостью, обнаружилось множество подобных случаев, и нет никаких сомнений, что значительную часть людей хоронили заживо, когда они впадали в состояние транса или каталепсии.

История Габриэлы де Лонэ, молодой женщины, чье дело около 1760 года слушалось в парижском Высоком Суде, произвела грандиозную сенсацию в масштабах всей Франции. В восемнадцатилетнем возрасте Габриэлла, дочь месье де Лонэ, председателя Гражданского Трибунала Тулузы, была обручена с капитаном Морисом де Серром. К несчастью, последнему внезапно приказали в срочном порядке отбыть на боевую службу в Вост-Индию. Председатель, опасаясь, что его дочь рискует погибнуть на чужбине, отказался позволить обрученными немедленно сочетаться

браком, и Габриэлла не смогла отправиться вместе со своим возлюбленным за границу. Убитые горем влюбленные расстались, а года через два во Францию пришло известие о гибели молодого доблестного воина. Однако весть оказалась ложной, хотя о том, что капитан де Серр жив, не знали до тех пор, пока он после почти пятилетнего отсутствия вновь не объявился в Париже. Здесь ему случилось проходить мимо церкви св. Роша, фасад которой был сплошь задрапирован черной материей — явно в связи с похоронами какой-то знатной особы. Офицер пустился в расспросы и выяснил, что траур объявлен по случаю скоропостижной смерти молодой красавицы, скончавшейся на третий день после начала болезни — мадам дю Бур, жены председателя суда месье дю Бура; до замужества она была известна как Габриэлла де Лонэ. Оказалось, что в связи с сообщением о смерти Мориса де Серра месье де Лонэ вынудил дочь выйти замуж за упомянутого господина, который, будучи старше ее лет на тридцать, был зато человеком весьма состоятельным и вообще важной фигурой. Как можно догадаться, молодой капитан просто обезумел от горя, а ночью, прихватив с собой изрядную сумму в золотых монетах, наведаясь к сторожу кладбища при церкви св. Роша и с трудом уговорил его за взятку эксгумировать тело мадам дю Бур: капитан хотел в последний раз полюбоваться прекрасными чертами женщины, которую он столь страстно любил. Соблюдая все меры предосторожности, при бледном Свете ущербной луны тайные посетители завершили свою ужасную задачу, отвинтили крышку гроба, и несчастный влюбленный рухнул перед ним на колени, охваченный мучительной скорбью. Шло время; наконец гробовик стал намекать, что пора бы уже вернуть все в прежнее состояние и замести следы, как вдруг молодой офицер, издав душераздирающий вопль, схватил на руки холодное мертвое тело возлюбленной и, прежде чем сторож успел ему помешать, понесся прочь, на бегу оглябая могилы; с быстротой молнии беглец растворился во тьме. Преследовать его было уже бесполезно; бедняге сторожу ничего не оставалось, кроме как водворить на место опустевший гроб, засыпать его землей и привести могилу в надлежащий вид, дабы никто не догадался, что ее потревожили. Сторож, по крайней мере, был уверен, что его соучастник по столь тяжкому преступлению, как кощунство, которое навлекло бы на замешанных в нем самое суровое наказание, — что этот человек непременно будет хранить молчание, хотя бы в интересах собственной безопасности.

Мишло лет пять, и вот однажды месье дю Бур, который, по своему обыкновению, в очередную годовщину смерти супруги побывал на шопьской помпальной службе, проходя по тихой безлюдной улочке в пригороде Парижа, столкнулся лицом к лицу с одной молодой дамой и узнал в ней — кого бы Вы думали? — свою жену, так долго и так безуспешно им оплакиваемую! Он попытался с ней заговорить, но она отвела взгляд, пропеслась мимо него, как ветер, и вскочила в карету, на дверях которой красовался какой-то герб; карета сорвалась с места и умчалась прочь до того, как председатель успел к ней подбежать. Однако месье дю Буру удалось разглядеть этот герб: он принадлежал знатному роду де Серров, и господин председатель решил немедленно начать расследование. Для человека его положения не составляло никакого труда получить ордер на проверку могилы жены, и когда могилу раскопали, пустой гроб, который ранее явно вскрывали, подтвердил возникшие подозрения. Новый толчок следствию дало выявление того факта, что как раз около пяти лет назад кладбищенский сторож уволился с занимаемой должности и отбыл в неизвестном направлении, причем произошло это вскоре после похорон мадам дю Бур. Столь удачное совпадение этих обстоятельств просто бросалось в глаза, и председатель взял дело под свой личный контроль. Будучи опытным юристом, месье дю Бур собрал и связал воедино данные первостепенной важности. Он узнал из разговоров, что со своей молодой и горячо любимой женой, мадам Жюли де Серр, капитан Морис де Серр вступил в брак лет пять назад и, по слухам, привез он ее с собой в Париж из какой-то далекой страны.

Весь город был в шоке, когда председатель дю Бур потребовал от Высокого Суда расторжения незаконного брака между капитаном Морисом де Серром и женщиной, выдающей себя за Жюли де Серр, которая, как уверенно заявил истец, является на самом деле Габриэлой дю Бур — его, истца, законной супругой. Новость эта вызвала постоянную сенсацию; медики обменивались огромным количеством брошюр, и в некоторых из них авторы развивали идею того, что причиной мнимой смерти мадам дю Бур послужил затянувшийся транс; утверждалось, что хотя женщина так долго пробыла в могиле, тем не менее, история знает примеры такой летаргии, и даже если это редчайшие случаи, все равно подобное обстоятельство вполне возможно. Мадам Жюли де Серр

вызвали в суд и обязали отвечать на вопросы судей. Она заявила, что родилась в Южной Америке, росла сиротой и до замужества никогда не покидала родной страны. Были представлены необходимые свидетельства и заслушаны пространные аргументы обеих сторон, но излишне вдаваться в подробности. Последовало множество романтических эпизодов, но их, какими бы интересными они ни были, нам здесь придется опустить; достаточно сообщить, что в конце концов, в основном благодаря тому, что в зал суда внезапно доставили маленькую дочку ответчицы, и разыгралась патетическая сцена, суд установил и подтвердил, что Жюли де Серр и Габриэлла дю Бур, урожденная де Логэ, — это одно и то же лицо. Напрасно адвокат ответчицы ссылаясь на то, что ее брак с месье дю Буром расторгла смерть, хотя данный факт судьи самым решительным образом должны были принять как согласующийся с основами теологии⁷³. Несмотря на то, что ответчица умоляла позволить ей уйти в монастырь, судьи обязали ее вернуться к первому мужу. Два дня спустя председатель дю Бур ждал прихода жены в большом зале своего особняка. Она появилась, но смогла лишь неверной походкой пройти через ворота, сделав несколько шагов навстречу выбежавшему мужу, так как за несколько мгновений до этого приняла быстродействующий яд. Воскликнув: «Возвращаю вам то, что вы потеряли!», — Габриэлла дю Бур мертвой рухнула к его ногам. Одновременно с ней паложил на себя руки и капитан де Серр.

Нельзя не заметить, что эти события очень сильно напоминают те, которые описаны в повелле Банделло (II, 9), где излагается подлинная история Элены и Джерардо, имеющая значительное сходство и с печальнейшей повестью о Ромео и Джульетте. Елена и Джерардо были детьми двух знатных жителей Венеции, мессира Пиктро и мессира Паоло, чьи дворцы стояли на берегу Большого Канала друг напротив друга. Джерардо случайно замечает Элену, выглядывающую из окна своего дома, и с этого момента теряет покой и сон и не знает счастья, пока ему не удастся поведать возлюбленной о своей всепоглощающей страсти. Добрая няня устраивает им свидание, и в ее присутствии влюбленные обмениваются кольцами и клятвами вечной любви перед статуей Пречистой Мадонны, а после этого почти напролет предаются любовному экстазу и блаженству. Такие союзы были очень прочными, хотя, разумеется, ни один подобный обмен клятвами предварительно не благословила Святая Церковь. Это отражено и в распространенной поговорке, применимой к кому угодно: «*Si, e ammogliato; ma il matrimonio non e stato Benedetto*»^{*}. Вот почему свой брачный обряд влюбленные держали в тайне.

В скором времени мессир Паоло, который прочит сыну выдающуюся карьеру, посылает молодого человека в Бейрут, и Джерардо вынужден подчиниться. Но пока он отсутствует (почти полгода), мессир Пиктро сообщает дочери, что уже назначил день ее свадьбы с молодым человеком из старинного и очень богатого рода.

Элена не осмелилась поведать отцу о том, что произошло между ней и Джерардо, и молча отдалась своему безутешному горю. Вечером накануне свадьбы она без чувств упала на кровать, и к утру Элену нашли окочевевшей и застывшей, как труп. Собравшиеся в доме многочисленные доктора вели ученые споры; врачи перепробовали все средства и не добились никаких результатов. Никто уже не сомневался, что девушка умерла. Поэтому ее решили перенести в церковь — не для венчания, а для похорон. Той ночью мрачная безмолвная процессия направилась на гондоле к Кампо рядом с Сан-Пиктро-ин-Кастелло, где лежат святые мощи Сан Лоренцо Джустиниани — великого патриарха Венеции. Девушку положили в мраморный саркофаг возле церкви; вокруг саркофага горели факелы.

Случилось так, что поблизости, в порту Лидо, только что пришвартовалась галера, на которой вернулся из Сирии паш Джерардо. Его пришли приветствовать друзья. Все оживленно беседовали. Джерардо, заметив траурную процессию, из праздного любопытства заинтересовался, кого это хоронят. Когда юноша узнал, что в последний путь провожают Элену, горе обрушилось на него и заволочло его душу, подобно черной почвой туче. Однако он не подавал виду, пока все встречающие не разошлись; тогда он подозвал друга — капитана галеры, поведал ему всю историю своей любви и поклялся, что еще раз поцелует жену, даже если для того, чтобы добраться до нее, ему придется разрушить ее памятник. Капитан тщетно пытался переубедить Джерардо и быстро понял, что это бесполезно. Друзья сели в лодку и вдвоем поплыли к Сан-

^{*} «Да, он женат, но брак не получил благословения» (итал.).

Пиктро. Было уже далеко за полночь, когда они пристали к берегу и пешком отправились к месту захоронения. Отодвинув тяжелую плиту саркофага, Джерардо в отчаянии припал к телу своей Элены. Наконец бравый капитан, опасаясь, что сюда может пожаловать ночная стража, убедил несчастного влюбленного, что пора возвращаться в лодку, но уговорить друга оставить тело Элены ему никак не удавалось. Джерардо взял мертвую возлюбленную на руки и благоговейно положил ее в лодку, продолжая сжимать Элену в объятиях, осыпая ее печальными поцелуями и тяжело вздыхая. Чрезвычайно встревоженный капитан так и не осмелился направить лодку к галере, но курсировал туда-сюда по открытой лагуне, а в лодке рядом с мертвой женой лежал умирающий муж. Однако вскоре подул освежающий морской бриз, принес с собой острый соленый запах; занималась заря, окрашивая в багряный цвет узкую полосу воды у горизонта. И тут на лице Элены стали появляться проблески жизни. Девушка слегка пошевелилась, и Джерардо встрепенулся, выходя из горестного оцепенения; он стал растирать ей руки и ноги. Друзья тайно доставили девушку в дом матери капитана; тут Элену уложили в теплую постель, подали еду и горячее питье; вскоре девушка ожила.

Мессир Паоло великодушно устроил роскошный пир по случаю возвращения сына, и когда

собрались все гости, вошел Джерардо, ведя под руку Элену в свадебном платье; опустившись перед отцом на колени, он сказал: «Вот, отец мой, я привел к тебе верную жену мою, которую я сегодня спас от смерти». Бурное ликование охватило всех; немедленно вызвали мессира Пиктро из его дома, объятый трауром, — в обитель радости. И теперь, когда ему поведали всю правду, он приветствовал не только свою воскресшую дочь, но и ее супруга, от всего сердца произнося слова благодарности, и благословил молодую пару, а на следующее утро святая церковь торжественным ритуалом освятила союз молодоженов, радость которых уже завершилась сладостным воссоединением.

Параллели между этими двумя приключениями просто поразительны. Печальная история капитана де Серра и его любви — история, которая вполне могла окончиться совсем по-другому — для нас интересна, в первую очередь, тем, что несчастную Габриэллу дю Бур действительно положили в гроб и зарыли в землю как умершую и что женщина вернулась к жизни лишь по прошествии нескольких дней. И в Англии, и за рубежом то и дело на надгробных памятниках попадаются надписи, свидетельствующие об имевшем место досрочном погребении. Одна такая эпитафия начертана на могильной плите миссис Бланден на кладбище в Бэйсингстоуке, графство

Хэмшир, однако оригинальная надпись в значительной степени стерта⁷⁴. К сожалению, имеются исчерпывающие доказательства того, что подобные ужасные случаи — отнюдь не редкость. Мистер Уильям Тэбб в своей авторитетной работе «Досрочное погребение»⁷⁵, опираясь только на медицинские источники последних лет, собрал свидетельства о двухстах девятинадцати случаях, когда погребения заживо удалось избежать в последний момент; о ста сорока девяти подобных погребениях, действительно имевших место; о десяти случаях, когда люди подверглись вскрытию, хотя были еще живы; о трех случаях, когда медики чуть было не совершили эту ужасную ошибку, и о двух случаях, когда работа по бальзамированию уже началась, но оперируемые успели прийти в себя.

Нет более серьезной ошибки, чем полагать, будто большинство случаев досрочного погребения и спасения от похороп происходили очень давно и что почти все они имели место при исключительных обстоятельствах, преимущественно в небольших городишках и удаленных деревнях на континенте. Что поразительно для нашего просвещенного времени, количество случаев спасения от погребения заживо и случаев, когда этой ужасной судьбы избежать не удалось, за последние годы не только не сократилось, но даже возросло. В письме, приведенном в журнале «Лансет» за 14 июня 1884 года, очевидец подробно рассказывает о данном феномене, представленном двумя телами, который он наблюдал в склепе кафедрального собора города Бордо, когда раскопали часть кладбища и вскрыли многие могилы. В парижском журнале «Ла прессе медикаль» за 17 августа 1904 года есть статья, написанная доктором Икаром из Марселя — тем самым, чье исследование «La Mort réelle et la Mort apparente» («Смерть реальная и смерть мнимая»), будучи опубликовано в 1897 году, привлекло всеобщее внимание. Автор, известная в медицинских кругах фигура, подробно описывает более десятка случаев возвращения к жизни людей, смерть которых засвидетельствовали их лечащие врачи; в одном случае тело оживило в присутствии нескольких докторов, когда уже фактически началась погребальная церемония. Следует отметить, что одним из очевидцев данного явления был доктор М. К. Буссакис, профессор физиологии медицинского факультета Афинского университета. Один из таких случаев приводится со ссылкой на доктора Закутуса Лузитануса, также видевшего все своими глазами. Нелишне напомнить, что Греция является страной, где вера в вампиров по-прежнему очень сильна.

Страшный случай погребения человека, когда он был еще жив, описывается в письме, опубликованном в «Санди тайме» за 6 сентября 1896 года. За несколько лет до этого парижская газета «Фигаро» посвятила довольно пространную статью рассмотрению пугающей возможности быть погребенным заживо. Через пару недель редактор получил свыше четырехсот писем из самых разных концов Франции, и все они были написаны людьми, которых либо погребли заживо, но затем чудом спасли, либо собирались похоронить, но по какой-то счастливой случайности им удалось избежать досрочных похороп.

В сентябре 1895 года мальчика по имени Эрнест Уике нашли в Регентском парке лежащим в траве без признаков жизни, и после того, как его поместили в морг С. Марилебон, Эрнеста вернул к жизни сторож морга мистер Эллис. Когда прибыл вызванный врач, паренек свободно дышал, хотя и был без чувств, и чуть позже его перевели в больницу Мидлэссекса. Здесь врач сделал заключение о том, что «он оправляется от приступа». В процессе дознания, проводимого в Уигене 21 декабря 1902 года, мистер Бригхауз, один из коромеров графства Лапкешир, с особым пылом выступил перед жюри присяжных, поведав им о чрезвычайных обстоятельствах, когда ребенок четыре раза признавали «мертвым» и его мать получила как минимум три медицинских свидетельства о смерти, каждого из которых было достаточно для того, чтобы человека заживо похоронили.

В 1905 году пекая миссис Холден, 28 лет, проживавшая в Хэптопе близ Эккрипптопа, «умерла»; врач без колебаний выписал свидетельство о смерти, и все уже было готово к похоронам. К счастью, владелец похоронного бюро заметил, что у женщины чуть подрагивают веки; в итоге она была спасена и, вернувшись в совершенно нормальное состояние, прожила долгую жизнь.

«Мидлэнд дейли телеграф» 7 января сообщила о случае с ребенком, которого оперировали и который в процессе операции «по всем признакам скончался». Однако пациенты, чью смерть успели засвидетельствовать, менее чем через полчаса ожил.

14 сентября 1908 года газеты опубликовали подробные отчеты о необычном транссе некоей миссис Риз, проживавшей на Нора-Стрит в Кардиффе, которой в последний момент удалось избежать досрочного погребения.

Если заглянуть на сорок лет назад, то можно найти напечатанный в «Бритиш Медикл Джорнэл» за 31 октября 1885 года полный отчет о произошедшем в Стэмфорд-Хилле знаменитом случае с ребенком, который впал в конвульсии, перешедшие в транс. Пациента сочли мертвым, однако он пришел в себя — правда, только через пять дней. Хьюфлэнд, привыкший иметь дело с подобными трансами, отмечает, что «в таких случаях для того, чтобы прийти в сознание, нередко требуется шесть-семь дней». Доктор Шарль Лонд⁷⁶ заявляет, что «такого рода приступы могут длиться много дней подряд» и что «вполне вероятно, что многих людей в подобном состоянии ошибочно принимали за мертвых».

Один исключительно любопытный случай, произошедший в 1883 году, описал профессор медицины университета города Глазго доктор У. Т. Гэйрднер⁷⁷. Человек, которого он наблюдал, впал в транс, длившийся подряд полгода без одной недели; столь удивительное обстоятельство привлекло к себе пристальное внимание и вызвало бурную длительную полемику.

Следует доводить до сведения более широкого круга людей, что внешняя видимость смерти явно обманчива. Доктор Джон Освальд в своем глубоком научном труде «Suspended Animal Life» («Временная остановка жизненных процессов у животных»)⁷⁸ отмечает, что «вследствие невежественной уверенности по отношению к ним [признакам смерти] людей, которые могли вернуться к жизни... предавали земле». В сентябре 1903 года доктор Форбс Уинслоу особо подчеркнул тот факт, что «у человека в каталептическом состоянии могут столь удивительным образом проявляться все признаки смерти, что вполне возможно погребение человека, когда жизнь его не угасла». Он добавил также: «Я не думаю, что обычные способы обследования для подтверждения того, что жизнь прекратилась, являются достаточными; я придерживаюсь мнения, что единственное удовлетворительное доказательство наступления смерти — это начавшееся разложение тела».

Даже из этого представленного читателю торопливого обзора (а число примеров можно увеличить, и количество их действительно растет повсюду почти ежедневно) очевидно, что, какой бы пугающей не казалась истина, досрочное погребение — вещь отнюдь не редкая. Думаю, весьма вероятно, что необычные происшествия такого рода, слухи и слухи о которых распространялись везде, охватывая обширные районы, — старики передавали подобные слухи молодым, домочадцы шепотом пересказывали их зимой у камелька — все эти происшествия быстро обрастали легендами, которые, в свою очередь, давали свежий повод изумляться и испытывать сознательный или неосознанный ужас. Отсюда, мне думается, были почерпнуты некоторые детали, особенно способствовавшие поддержанию и развитию преданий о вампирах. У меня ни на мигновение не возникает желания предположить, будто все эти обстоятельства, только что довольно подробно нами рассмотренные, будь они самыми страшными и шокирующими, каким-то образом послужили основой для возникновения веры в вампиров. Я, напротив, хотел бы подчеркнуть, что предания уходят корнями гораздо глубже и пропитаны реальностью куда более мрачной и вредоносной. Я даже не рискнул бы допустить, что досрочное погребение и воскрешение после мнимой смерти добавили сколько-нибудь существенного материала преданиям о вампирах, однако я убежден, что все эти страшные случаи, будучи неверно поняты и никак не объяснены, способствовали более прочному закреплению преданий о вампирах в умах тех, кому действительно довелось быть свидетелем подобных происшествий или слышать о них достоверный рассказ.

Следует привести и примеры того, как люди после смерти подавали признаки жизни путем каких-либо телодвижений. Об одном таком случае рассказывает Тертуллиан⁷⁹, который сообщает, что видел его своими глазами, *de meo didici*. Молодая женщина-христианка, побывавшая в рабстве, вышла замуж, но через несколько месяцев скончалась в расцвете лет и в самый разгар счастливой жизни. Тело ее отнесли в церковь, чтобы перед тем, как предать его земле, провести заупокойную службу. Когда священник, проводивший богослужение *praesente cadavere* (по этой умершей), молитвенно поднял руки, то, к изумлению всех присутствовавших, молодая женщина, которая лежала на похоронных носилках и руки которой покоились по бокам, также подняла их и мягко сжала вместе ладони, словно тоже участвуя в мессе, а затем, когда

богослужение завершилось, вернула руки в исходное положение.

Тертуллиан сообщает также об одном случае, когда усопшего собирались похоронить рядом с другим покойником и готовились опустить в могилу; тогда то самое тело, которое уже покоилось в этой могиле, будто бы подвинулось в сторону, словно освобождая место для вновь прибывшего.

В житии св. Иоанна Подателя милостыни, патриарха Александрийского, написанном Леонтием, архиепископом Кипра, рассказывается, что когда святой в возрасте шестидесяти четырех лет скончался 11 ноября 616 года⁸⁰ на Кипре, в Амаффе, то его тело с большими почестями и с соблюдением святы́х ритуалов поместили в главной местной церкви. Там открыли чудесную усыпальницу, в которой уже покоились два епископа. И говорят, что якобы оба тела в знак уважения к святому подвинулись: одно влево, а другое — вправо, и что это будто бы произошло на виду у всех присутствующих — *non unus, neque decem, neque centum viderunt, sed omnia turba, quae convenit ad eius sepulturam* (не один, не десять и не сотня людей это видела, но вся толпа, явившаяся на его похороны). Следует отметить, что эти факты архиепископ Леонтий приводит со слов того, кто действительно присутствовал на погребении; аналогичный рассказ можно найти в «Мисологии» Симсопа Мстафраста.

Эварий Понтик⁸¹ рассказывает легенду о некоем анахорете по имени Фома, который скончался в больнице в Дафне, пригороде Антиохии, где находилась усыпальница святого мученика Вавилы⁸². Отшельника, чужеземца, похоронили на том участке кладбища, что предназначался для нищих и очень бедных людей. Однако утром тело Фомы обнаружили лежащим в роскошном мавзолее в самой почетной части кладбища. Отшельника снова перезахоронили, но когда на следующий день кладбищенский сторож увидел, что повторилось все то же самое, люди поспешили к патриарху Эфраиму⁸³ и поведали ему о чуде. Тогда тело с пышными церемониями, в окружении зажженных восковых факелов, с курением ладана перенесли в город и при большом стечении народа, пришедшего поклониться, торжественно похоронили в одной из церквей. С тех пор много лет подряд в городе отмечали праздник перенесения св. Фомы Пустынника. Ту же самую историю излагает писатель-аскет, монах Иоанн Мосх, в своем замечательном трактате «Луг духовный»⁸⁴, однако Мосх утверждает, что наоборот, останки отшельника так и оставались лежать в своей могиле, тогда как из уважения к его святости тела других людей, похороненных по соседству, вышвырнули из могил и скромно легли на почтительном расстоянии.

В агиологии есть множество рассказов о том, как покойники слышат, разговаривают и двигаются. Так, в житии св. Доната, покровителя города Арrezzo, который ближе к концу III века н. э. сменил на посту первого епископа св. Сатира, рассказывается, что Евстасий, главный хранитель доходов Тосканы, получив распоряжение совершить деловую поездку, чтобы надежно сохранить общественные деньги, передал их в руки своей жены Евфросины. Эта женщина, боясь, как бы ее дом не ограбили, тайно зарыла казну в землю. Она никому не сказала об этом, но, к несчастью, незадолго до приезда супруга ночью скоропостижно скончалась, и было совершенно непонятно, где она спрятала сокровища. Евстасий остался наедине со своим горем и страхом, ибо теперь, казалось, он будет обвинен недругами в казнокрадстве, и его приговорят к смерти. В отчаянии он отправился к Донату, и святой предложил ему пойти вместе с ним к гробнице Евфросины. В церкви уже собралось много народа, когда святой спросил во всеулышание: «Евфросина, умоляю тебя: поведай нам, где ты спрятала казну?» Женщина отозвалась из гробницы, сообщив, где зарыты общественные деньги. Св. Донат и главный хранитель пошли к указанному месту, где и нашли всю сумму в целости и сохранности⁸⁵.

В житии знаменитого отшельника св. Макария Египетского⁸⁶, скончавшегося в 394 году н. э., говорится, что одного монаха из лавры Макария обвинили в убийстве. Обвинители выступали на суде важно и уверенно, но св. Макарий предложил им сходить вместе с ним к могиле убиенного. Там святой обратился к покойному со следующими словами: «Господь устами моими призывает тебя поведать нам, действительно ли этот человек, который обвинен в твоём убийстве, — действительно ли он совершил это преступление или каким-то образом замешан в нем?» Тут же из могилы в ответ донесся глухой голос. Покойный заявил: «Воистину он абсолютно невиновен и никак не причастен к моему убийству». «Кто же тогда, — продолжал вопрошать святой, — истинный виновник?» Убиенный отвечал: «Не мне, отец мой, свидетельствовать против него. Да

будет достаточно узнать, что тот, кого обвинили, на деле невиновен. Предоставьте виновного Богу. Кто знает, быть может всеблагодный и сострадательный Господь смилостивится над ним и вызовет в нем раскаяние?»⁸⁷

В истории св. Ретика — так, как ее излагает К. Ветгий Ак-виллин Ювепк⁸⁸, латинский поэт четвертого века, столь популярный в Средние века, — рассказывается, что, когда святой скончался⁸⁹, торжественная процессия принесла тело покойного к гробнице его жены. Вдруг мертвец приподнялся на своих носилках, сел и произнес: «Помнишь ли ты, дорогая моя супруга, о чем просила меня на смертном одре? И вот я здесь, явился выполнить обещание, данное так давно. Прими же того, кого ты с такой нежностью ожидала все это время». При этих словах будто бы жена его, умершая много лет назад, вновь ожила и, разорвав опутывавшие ее льняные повязки, простерла руки навстречу мужу. Тело святого опустили в ее гробницу; там и покоятся оба супруга, ожидая воскресения праведников⁹⁰.

Нечто подобное описывается в легенде о св. Энжюрье, чей труп встал из своей гробницы и перешел в гробницу его жены по имени Схоластика. Энжюрье был знатным сенатором в городе Клермон (провинция Овернь во Франции). Св. Григорий Турский в своей «Истории франков»⁹¹ сообщает, что Схоластика скончалась первой, и Энжюрье, стоя у ее гроба, заявил во всеуслышание: «Благодарю тебя, Господи, за то, что даровал мне это девственное сокровище, которое я возвращаю в руки Твои таким же непорочным, каким и получил». При этих словах мертвая супруга улыбнулась, и присутствующие услышали ее ответ: «Зачем же, о супруг мой, ты говоришь о том, что касается никого, кроме нас с тобой?» Едва даму успели похоронить в роскошной гробнице, как муж ее тоже умер. По какой-то причине его временно похоронили в отдельной гробнице, на некотором расстоянии от жены. На следующее утро обнаружилось, что Энжюрье покинул то место, где лежал, и что теперь его мертвое тело покоится рядом со Схоластикой. Никто не осмелился потревожить эти два трупа. И по сей день сенатора и его жену в народе называют «Двое влюбленных»⁹².

В своих «Житиях святых»⁹³ монсеньор Герэн приводит следующий рассказ о святом Патрике⁹⁴: «St. Patrice commande a la mort de rendre ses victimes afin que leur propre bouche proclame devant le peuple la verite des doctrines qu'il leur annonce; ou bien il s'assure si son ordre de planter une croix sur la tombe des chretiens, et non des infideles, a ete fidelement execute, en interrogeant les morts eux-memes, et en apprenant de leur bouche s'ils ont merite ce consolant hommage» («Св. Патрик велит смерти вернуть свои жертвы, дабы они своими собственными устами возгласили истинность того учения, которое он им возвестил, или же чтобы он удостоверился, лично расспросив мертвецов, верно ли исполнено его указание водрузить крест на могилах христиан, а не неверных, и чтобы услышать из уст самих покойников, достойны ли они этих утешительных знаков уважения»).

В связи с преданиями о говорящих мертвецах уместно упомянуть рассказ о св. Мэлоре. Около 400 года в Корнуолле правил герцог по имени Мелиап. Его брат Ривольд организовал против него заговор и убил герцога. Уцелел юный сын Мелиапа, Мэлор, которого Ривольд убить побоялся, но строжайше приказал отправить его в один из корнуоллских монастырей. Там паренек постоянно подавал общине пример праведной жизни и якобы обладал даром творить чудеса. По прошествии нескольких лет Ривольд, опасаясь, что его свергнет юный наследник покойного герцога, все же решил его устранить. Он подкупил воина по имени Керильган, уговорив его тайно убить Мэлора, что тот в соответствии с договоренностью и осуществил. Он должен был обезглавить Мэлора и принести его голову Ривольду. Это убийство воин совершил в лесной чаще, куда ему удалось заманить мальчика. Уходя прочь с места преступления, Керильган случайно оглянулся. Взору его предстало яркое сияние. И вот уже тело, убитого со всех сторон обступили ангелы в белых стихарях, с тонкими свечками в руках, сияющими, словно золотистые звезды. Когда злополучный убийца отошел еще дальше, его вдруг стала терзать нестерпимая жажда; чуть не падая от изнеможения, он воскликнул: «О я несчастный! Без глотка воды мне просто не выжить!» Тут с ним заговорила голова убитого мальчика: «Керильган, стукни по траве посохом, и для тебя в этом месте забьет родник». Керильган так и поступил; утолив жажду из чудотворного ключа, он поспешил продолжить свой путь. Когда герцогу Ривольду преподнесли голову убитого, он собственноручно размозжил ее, однако после этого сразу же заболел и слег, а через три дня скончался. Голову Мэлора затем присоединили к телу, которое с почестями погребли. Прошло

несколько лет, и останки торжественно перезахоронили в городе Эймсбери, что в графстве Уилтшир⁹⁵.

В своей «Histoire hagiologique du diocese de Valence» («Агиографической истории епархии Валанс») ⁹⁶ аббат Надаль пишет, что когда св. Павел ⁹⁷ сменил св. Тьркуага в качестве епископа Сен-Поль-Труа-Шато, вскоре после посвящения к нему подошел на улице какой-то еврей, простой ростовщик, и потребовал от него вернуть ему изрядную сумму денег, которую якобы занял у него епископ Торкват, предшественник Павла. Чтобы удостовериться, насколько справедливо требование займодавца, св. Павел в полном епископском облачении отправился к гробнице св. Торквата в кафедральном соборе и, дотронувшись до нее посохом, попросил Тьркуага объявить, возвращен долг или нет. Из гробницы ему ответил голос покойного епископа: «Воистину иудей получил обратно свои деньги; долг ему возвращен в установленный срок, с процентами, причем двойными». Из хроник явствует, что этот случай бесспорно имел место, ибо многие при этом присутствовали, и они свидетельствуют, что все видели и слышали.

Евгипетский, сменивший на должности главы епархии Трент св. великомученика Вигилия, оставил нам жизнеописание св. Северина, который, незадолго до своего отъезда в Италию был одним из последних епископов из числа римлян, проживавших в этом районе на Дунас. Однажды св. Северин, которому пришлось всю ночь дежурить у похоронных носилок священника по имени Сильван, на заре предложил последнему еще раз поговорить с братьями, жаждавшими услышать его голос, ибо при жизни Сильван был красноречивым, пламенным проповедником. Сильван открыл глаза, и святой заинтересовался, не желает ли тот вернуться к жизни. Но покойный отвечал: «Отец мой, умоляю вас, более не задерживайте меня, не отдаляйте наступления того вечного покоя, который для почивших во Христе превышает любых наслаждений». И затем, закрыв глаза, он больше не пробуждался к жизни на этом свете.

Этот случай сразу же воскрешает в памяти знаменитое чудо св. Филиппо Нери, который был духовным наставником семейства Массимо. В 1583 году сын и последний прищип Фа-брицио Массимо умер от лихорадки в возрасте четырнадцати лет. Когда св. Филиппо вошел в комнату, где оплакивали свою утрату родители и проливали слезы родственники, он подошел к мертвому подростку, положил руку ему на лоб и позвал его по имени. После этого мальчик ожил, открыл глаза и сел на кровати. «Страшно умирать?» — спросил святой. «Нет», — кратко ответил подросток. «Готов ли ты отдать Богу душу?» — «Да». — «Тогда ступай», — сказал святой Филиппо. — *Va, che sii Benedetto, e prega Dio per noi!*^{*}. С просветленной улыбкой мальчик откинулся на подушку и вторично почил в бозе. С тех пор ежегодно 16 марта в семейной часовне в Палаццо Массимо устраивается *fešta*^{**}.

В «Житии св. Феодосия Ксенопита», которое написал Феодор, епископ Петры⁹⁹ (536 г.), есть такой эпизод: когда возле монастыря соорудили большой просторный склеп, св. Феодосий изрек: «Теперь усыпальница воистину завершена — вот только кто из нас первым в ней упокоится?» Тут некий монах по имени Василий упал перед ним на колени и стал умолять, чтобы этой чести удостоили именно его. По прошествии примерно месяца Василий без всяких болезней и страданий отошел в мир иной — как будто просто заснул. Через сорок дней св. Феодосий стал замечать, что уснувший монах на заутрене, да и в другие часы, как и прежде, занимает свое место в хоре. Никто, кроме Феодосия, не видел покойного, но многие слышали его голос; особенно хорошо ощущал его один монах по имени Эций. Тогда Феодосий попросил Господа сделать так, чтобы все были в состоянии видеть призрак Василия. И действительно, взор каждого проявился таким образом, что все теперь смогли наблюдать уснувшего, который занимал свое привычное место в хоре. Когда Эций попытался на радостях обнять собрата, призрачная фигура от его прикосновения стала растворяться со словами: «Спокойно, Эций. Господь с вами, отец мой и братья мои. Но только огненные вы не сможете меня ни видеть, ни слышать».

У св. Григория, епископа Ланграского¹⁰⁰, была привычка вставать по ночам, когда все уже глубоко спали, и тихо идти в церковь, где он проводил несколько часов в молитвах. Это долго оставалось незамеченным, но однажды кто-то из братии долго не мог заснуть; этот монах заметил, что епископ куда-то направился по коридору. Из любопытства монах последовал за ним, и вскоре увидел, как

^{*} «Ступай, да благословит тебя Бог; молись Господу за нас» (*итал.*).

^{**} *fešta* — праздник (*итал.*) в память об этом чуде".

тог входит в баптистерий, дверь которого сама собой распахнулась перед аббатом. Некоторое время внутри царил тишина; затем раздался голос епископа: св. Григорий запел антифон, и тут же вдруг послышалось множество голосов, подхвативших псалом; это пение продолжалось три часа подряд. «Я, в свою очередь, — заявляет св. Григорий Турский, — считаю, что святые, мрщи коих покоились в церкви и коим поклонялись, таким образом открылись этому святому и вместе с ним славили Бога».

Нередко встречаются и более поздние примеры того, как усопшие возвращались к жизни. Святой мученик Стапислав, епископ Краковский¹⁰¹, как-то приобрел у некоего Петра весьма обширное поместье для церковных нужд. Когда несколько лет спустя этот самый Петр скончался, его наследники стали притязать на продажную им недвижимость. Им удалось выяснить, что епископ тогда не взял у Петра документов о продаже и теперь, соответственно, не сможет предъявить никаких бумаг, подтверждающих его права на собственность. Суд постановил вернуть землю истцам. Однако святой направился к гробнице покойного и, прикоснувшись к мертвому телу, повелел ему встать и следовать за ним. Петр немедленно повиновался; так в сопровождении этой бледной и страшной призрачной фигуры епископ и явился в Королевский суд. Все присутствующие задрожали от страха и мрачного изумления, а Стапислав обратился к судье: «Смотрите, господин мой, вот и Петр собственной персоной — это он продал мне свое имение; он даже встал из могилы, дабы свидетельствовать в пользу истины». Глухим голосом труп, а может быть, призрак, подтвердил во всех деталях заявление епископа, и не на шутку перепуганные судьи пересмотрели свое прежнее решение. Когда процедура завершилась, призрачная фигура на глазах у всех постепенно растворилась в воздухе. Мертвец вернулся в свою гробницу, вторично испустив дух; там он покоится и по сей день¹⁰².

Говорят, подобное происшествие приключилось и в жизни св. Антонио Падуанского. Его отца арестовали в Лиссабоне, инкриминировав ему если не убийство одного дворянина, то, по крайней мере, соучастие в нем. Когда-то по требованию святого в суд доставили тело убитого, Антонио торжественно обратился к покойному с просьбой ответить на его вопрос: «Правда ли, что мой отец каким-то образом причастен к твоему убийству или к подготовке оного?» Труп с тяжелым стоном произнес в ответ: «Никким образом сие обвинение не является справедливым. Оно абсолютно ложно и подстроено злоумышленниками». Удовлетворившись этим положительным заявлением, судьи освободили обвиняемого из-под стражи¹⁰³.

9 марта 1463 года св. Катарина Болонская, монашка-клариссинка, умерла в женском монастыре Болоньи. Женщина настолько прославилась своей святостью, что не далее чем через две недели тело ее эксгумировали и выставили в церкви на открытых носилках, чтобы все желающие некоторое время могли ей поклоняться. Людей, толпами поваливших туда, поразило то, что лицо усопшей сохранило свежий и яркий цвет. Среди тех, кто подходил к останкам, была одинадцатилетняя девочка, Леонора Поджи. Из почтительности она предпочла держаться несколько в стороне, но тут все заметили, что покойная мало того, что широко открыла глаза — она еще и рукой поманила девочку, обратившись к ней со словами: «Леонора, подойди поближе». Дрожащая отроковица чуть подав лась вперед, однако Катарина добавила: «Не бойся. Ты станешь полноправной монахиней этой общины, и все в монастыре будут тебя любить. Скажу больше: ты будешь присматривать за моим телом». Через восемь лет Леонора отвергла предложение состоятельного высокопоставленного поклонника, просившего ее руки, и, постригшись в монахини, вступила в общину Корпус Домини. Там она прожила до глубокой старости, проводя в монастыре ни много ни мало пятьдесят пять лет, окруженная любовью и уважением сестер-монахинь. Она действительно в течение полувека была смотрительницей наиболее почитаемой реликвии — святых мощей Катарини¹⁰⁴.

Сразу же после смерти великой блаженной, Марии Магда-лены де Пацци, преставившейся 25 мая 1607 года, тело этой святой кармелитки с большими почестями расположили на катафалке и перевезли в церковь женского монастыря Сайта Мария дельи Анджели, куда стала стекаться вся Флоренция, чтобы припасть с поцелуями к стопам блаженной или хотя бы прикоснуться к ее одеянию медальонами и четками. В числе первых, кто удостоился чести посетить монастырь и быть допущенным к телу усопшей, прежде чем к катафалку хлынут толпы, был некий благочестивый иезуит, отец Серипанди. Сопровождать его выпало одному молодому человеку из знатной семьи,

жаждавшему отказаться от своего крайне распутного образа жизни. В то время как добропорядочный священник стал коленапреклоненно молиться, юноша приглянулся внимательно изучать выражение лица св. Марии Магдалины. Однако покойница слегка нахмурилась и отвернулась, словно оскорбленная этим пристальным взглядом. Ошарашенный и сконфуженный, спутник иезуита так и застыл на месте. Тогда отец Серианди сказал ему: «Воистину, сын мой, эта святая не потерпит, чтобы ее разглядывали твои глаза, ибо жизнь, которую ты ведешь, столь распущенна и порочна». «Это правда! — воскликнул молодой человек, — но с Божьей помощью я изменил свое поведение вплоть до самых мелочей». Он сдержал свое слово и вскоре стал отличаться необыкновенным благочестием¹⁰⁵.

Примеры того, как воскресают покойники, как трупы встают из могил, как мертвецы совершают те или иные телодвижения, можно приводить до бесконечности. И вполне возможно, что коль скоро подобные случаи происходили в жизни святых, то их имитирует и пародирует враг рода человеческого, ибо, как сказал Тертуллиан, «diabolus simia Dei» («дьявол — это обезьяна Бога»).

Давно замечено, что человек всегда относился к мертвым с уважением и страхом. Христианская вера к тому же наложила свой отпечаток на идею смерти, внесла в нее оттенок святости. Еще на заре человечества людской разум, вдохновляемый проблесками божественной истины, отказывался верить, что те, кого забрала смерть, должны отсутствовать вечно, и верили, что это лишь временно, что они ушли, но не навсегда. Уже не раз доказывалось — и это не лишено здравого смысла — что даже первобытные люди стремились сохранять мертвых, хранить их смертную оболочку. Ведь могила, пещерное захоронение доисторического человека, дольмен галльского вождя, пирамида фараона — что это, если не заключительное пристанище, не последний дом? Что касается трупа как такового, то в примитивных представлениях древних людей он продолжал жить, он по-прежнему обладал неким бытием. Поэтому нет ничего более ужасного, нет преступления более отвратительного, чем осквернение трупа.

Доктор Энолар утверждает: «Les vraies et graves profanations, de véritables crimes, reconnaissent pour mobile les grandes forces impulsives qui font agir l'être humain. Je suis l'origine de cette appellation vampirisme, quitte à expliquer nommerai cela par là.

L'instinct sexuel, le plus perturbateur de tous les instincts, doit être cité maint naufrage et maint siège célèbre où la nécessité fit loi. Le cannibalisme du bien des tribus sauvages n'a pas d'autre origine que la faim à satisfaire.

Chez l'homme se développe énormément l'instinct de propriété. D'où le travail, d'où, chez certains, le vol. Nous venons de voir que la coutume de tous les temps hit d'orner les morts de ce qu'ils avaient à posséder. Les voleurs n'ont pas hésité à dépouiller les cadavres... Les parlements et les tribunaux eurent assez souvent à châtier des voleurs sacrilèges». («Побудительной причиной настоящих, тяжких осквернений считаются мощные импульсивные энергии, движущие человеком. Я бы назвал это вампиризмом, и впоследствии я объясню происхождение этого термина. В числе самых важных факторов вампиризма следует упомянуть в первую очередь один из инстинктов, наименее поддающихся контролю — сексуальный инстинкт.

При определенных условиях к актам вампиризма приводит голод — основная нужда, испытываемая любым живым существом. Можно привести немало примеров кораблекрушений, множество знаменитых примеров осады городов, когда пужда диктовала свои законы. Источником каннибализма у многих диких племен нередко является просто голод, который приходится удовлетворять.

Далее, у человека чрезмерно развивается инстинкт собственности. Он побуждает человека трудиться, а в определенных случаях и воровать. Как мы только что могли убедиться, во все времена существовал обычай украшать усопших тем, чем им правилось обладать при жизни. Грабители всегда без колебаний обирали трупы.... Часто и гражданским трибуналам, и высшим королевским судам приходилось карать воров-осквернителей»¹⁰⁶.

В таком случае вампиризм в его расширительном и более современном толковании можно рассматривать как любое осквернение мертвого тела. Необходимо вкратце рассмотреть его в таком ракурсе.

«On doit entendre par vampirisme toute la profanation de cadavres, quel que soit son mode et quelle

que soit son origine» («Под вампиризмом следует понимать всякое осквернение трупов, независимо от способа и причины»).

Во Франции было множество случаев кощунственного ограбления мертвецов. В 1664 году некий Жан Тома был подвергнут смертной казни колесованием за то, что эксгумировал тело женщины и украл падетые на нее драгоценности. Почти за столетие до этого случая, в 1572 году гробокопателя Жана Реньо приговорили отбывать наказание гребцом на галерах за то, что он похищал драгоценности и даже саваны, которые были на трунах: В 1823 году в Риоме осудили Пьера Рено за вскрытие гробницы с целью грабежа. Несколько лет спустя полиция изловила банду de la rue Mercadier* — семерых негодяев, которые специализировались на осквернении гробниц и фамильных склепов богатей и которые выкрали оттуда золота и драгоценностей на сумму не менее 300 000 франков. Общеизвестно, что пресловутый Равашоль разрыл могилу мадам де Роштайс в надежде на то, что покойницу похоронили вместе с ее драгоценностями, однако на усопшей был один лишь багистовый саван.

12 июля 1663 года Высший Суд Парижа вынес суровый приговор сыну сторожа кладбища при Сен-Сюльпис. Юный негодяй имел обыкновение эксгумировать трупы и продавать их докторам.

В XVII веке парижским медикам официально выделяли по одному трупу в год, и знаменитого врача Морикко серьезно подозревали в том, что он незаконно добывает тела, чтобы вскрывать их для своих анатомических исследований.

В Англии у людей смерть стала вызывать еще больший страх в связи с деятельностью «похитителей трупов». Ведь даже состоятельные люди, имевшие возможность принять все меры предосторожности, едва ли были застрахованы от палестов осквернителей могил и склепов, тогда как бедняки, умиравшие в своих убогих постелях, испытывали просто чудовищный ужас перед тем, что их телам после смерти угрожает постоянная опасность, что их могут выкопать, отвезти в анатомический театр и продать начинающим докторам, которые будут их всячески резать и кромсать. В своем романе «Лондонские тайны» Г. У. М. Рейнолдс дает жуткую, хотя и не слишком красочную картину этих отвратительных похищений. Незаконно практикующие врачи и соперничающие исследователи, представлявшие разные анатомические школы, были всегда готовы приобрести трупы, не задавая лишних вопросов. Похищение трупов стало обычным и широко распространенным ремеслом. Один из таких мерзавцев, добившийся наибольших успехов на этом поприще, даже пополнил словарный состав английского языка новым словом. Уильям Бэрк, проходивший по делу Бэрка и Хэйра и повешенный 28 января 1829 года¹⁰⁷, начал свою карьеру в ноябре 1827 года. Занялся он этой деятельностью, видимо, совершенно случайно. Хэйр сдавал дешевые меблированные комнаты в трущобах Эдинбурга. Однажды умер один из жильцов — старый солдат, задолжавший изрядную сумму за проживание. С помощью Бэрка — другого своего постояльца — Хэйр отвез труп доктору Роберту Ноксу по адресу Сэрдженс-сквер, 10. Доктор тут же выложил за тело 7 фунтов 10 шиллингов. Шотландцы страшно боялись «похитителей тел», и раздобыть трупы было не всегда легко, хотя подлец Нокс похвалялся, что в любое время может доставать необходимый товар. Говорят, что у свежих могил порой приходилось по очереди дежурить родственникам усопших, и подобная предосторожность отнюдь не была излишней. Еще один жилец Хэйра тяжело заболел и слег; преступники были уверены, что он долго не протянет, и заведомо решили распорядиться им точно так же, как в прошлый раз.

Однако болезнь затянулась, и тогда Бэрк задушил несчастного подушкой; Хэйр помогал ему, держа жертву за ноги. Доктор Нокс заплатил за останки 10 фунтов. Поскольку деньги злодеям доставались так просто и быстро, Бэрк и Хэйр стали без всяких колебаний поставлять свежий товар. Одинокая, без друзей и знакомых, нищенка; ее глухонемой внук; один большой англичанин; проститутка по имени Мэри Пэтерсон и многие другие, которых Хэйр поочередно завлекал, сдавая им комнаты, — все они были убиты. На суде Бэрк совершенно хладнокровно рассказывал о способах убийства. Он обычно наваливался на тело жертвы, в то время как Хэйр зажимал ей рот и нос. «Через две-три минуты человек обычно уже не сопротивлялся, а только некоторое время бился в конвульсиях, стонал, и в животе у него что-то булькало. Когда он совсем переставал дергаться и замолкал, мы опускали его, и он умирал сам собой». Доктор Нокс договорился с убийцами, что

* с улицы Меркадьс (фр.).

будет им выплачивать зимой по десять, а летом по восемь фунтов за каждый доставленный труп. Но в конце концов это грязное дело вскрылось.

*Этот домик — просто клад:
Бэрк и Хэйр вас приютят.
Бэрк приберет вас,
Хэйр продаст:
Нокс мяса купить горазд.*

Так пели уличные мальчишки. Бэрк во всем сознался, и его повесили. Хэйр выдал сообщника и свидетельствовал на суде в пользу обвинения, в чем, по-видимому, едва ли была особая необходимость, ибо этих бандитов изначально самым решительным образом подозревали в причастности к многочисленным исчезновениям людей, и вскоре эти подозрения подтвердились. Суд проявил в этом деле позорную нерешительность: на виселицу следовало бы отправить всю пятерку, преступников — обоих негодяев в компании с их любовницами и доктором Ноксом, который, вне всяких сомнений, знал, с какими обстоятельствами была сопряжена поставка ему трупов, хотя и отрицал свою осведомленность. Правда, толпа, без сомнения, попыталась бы добраться до злодеев и разорвать их в клочья. Но этих людей и надо было отдать на растерзание толпе. И то, что благодаря юридической казуистике и лазейкам в законодательстве преступникам удалось избежать смертной казни, конечно же, говорит отнюдь не в пользу нашей эпохи.

Такая разновидность вампиризма, как некрофагия, или поедание трупов, представляющая собой каннибализм, весьма часто связана с религиозными ритуалами дикарей, а также имеет место на шабашах ведьм. В своих описаниях острова Гаити сэр Спенсер Сент-Джон приводит любопытные детали культа вуду, когда акты каннибализма осуществляются вперемежку с самыми разнузданными оргиями. Среди индейцев племени квакиутль в Британской Колумбии каннибалы (Hamatsas) образуют самое могущественное из тайных обществ. Они вырывают куски мяса из тел убитых, а нередко — еще живых людей, разрывая их на части. В прошлом хаматсас пожирала рабов, которых специально убивали для своих ширшест¹⁰⁸. Индейцы хайда на островах королевы Шарлотты исповедуют очень похожую религию, связанную с некрофагией¹⁰⁹. У древних жителей Мексики принято было регулярно приносить юношей в жертву богу Тескатлипоке. Их тела разрубали на мелкие кусочки, которые в качестве священной пищи распределяли среди жрецов и высшей знати¹¹⁰. У австралийских аборигенов из племени бибинга существовал обычай разрезать на части тела умерших и поедать их, дабы гарантировать покойным перевоплощение. Похожий обряд соблюдало и племя аранга¹¹¹.

В «Ежеквартальном журнале» Каспер приводит случай с одним идиотом, который убил и съел ребенка с целью заполучить его жизненную энергию. Следует отметить, что во многом на некрофагии замешена та страсть, которая движет вервольфами, и что имеется бесчисленное множество случаев ликантропии, когда люди-волки питались человеческим мясом и убивали людей, чтобы поедать их тела. Богэ подробно рассказывает историю, произошедшую в 1538 году. Четыре человека, обвиненных в колдовстве, — Жак Бокэ, Клод Жампро, Клод Жамгийом и Тьевенн Паже сознались, что превращались в волков и что в таком обличье они убили и съели не-которое количество детей. Франсуаза Секретэн, Пьер Ган-дийон и Жорж Гандийон также признались в том, что они, принимая облик волков, хватили детей, которых раздевали догола, а затем пожирали. Одежда ребят была найдена в поле целой, неразорванной, «tellement qu'il sembloit bien que ce fust une personne, qui les leur eut devestus» («в таком виде, что казалось, будто их просто кто-то раздел») ¹¹².

Есть ярчайший пример некрофагии, который в XVIII веке наделал немало шума и, говорят, послужил де Саду прототипом для его героя, Минского, «ашенинского отшельника», выведенного в «Жюльетте». Жуткое жилище этого великана-московита описано во всех подробностях. Столы и стулья, сооруженные из человеческих костей; комнаты, увешанные скелетами. Прообразом этого чудовища был Блэз Ферраж, или Сэйе, который, проживая в 1779—1780 Годах в Пиренеях,

похищал и пожирал мужчин и женщин¹¹³. Одним из самых необычных и страшных примеров каннибализма была история Сони Бина, крестьянского сына из Ист-Лотиан, родившегося в одной из деревень близ Эдинбурга в конце XIV века. Сони Бин стал бродяжничать вместе со своей подружкой — девицей из того же округа. В конце концов они избрали своим пристанищем пещеру на побережье Гэлло-уэй. Говорят, что пещера эта протянулась под морем больше, чем на целую милю. Там они и стали жить, промышляя грабежом путников. Бин с любовницей убивали их, приносили тела в свое логово, там их варили и съедали. Эта парочка произвела на свет восемь сыновей и шесть дочерей. Со временем вся семейка стала совершать бандитские вылазки, запросто нападая на путников, передвигавшихся группами по пять-шесть человек. Вскоре у людоедов появились внуки. Говорят, эта каннибальская династия четверть века убивала людей на большой дороге, привлекала добычу в свое логово и там пожирала человечину. Часто у жителей округи появлялись подозрения, и временами даже возникала паника, однако природа так хитро замаскировала вход в пещеру, что прошло немало времени, прежде чем банду удалось выследить и изловить. В 1435 году в Эдинбурге все семейство предали ужасной, мучительной смерти. Вероятнее всего, переход Бина и его сожительницы к некрофагии был вызван, в первую очередь, муками голода, но стоило им раз отведать мяса себе подобных, и тяга к человечине превратилась в безумную страсть. И само собой разумеется, что дети, родившиеся и выросшие в таких условиях, просто не могли не стать каннибалами.

Сони Бин стал героем книги «Сони Бин, мидлотианский людоед», написанной Томасом Прескеттом Престом, который в 40—60-х годах XIX века был самым известным и популярным поставщиком дешевых бульварных романов, выходивших громадными тиражами. Наибольший успех сопутствовал его роману «Суини Тодд». Некогда предполагали, что главный герой произведения действительно существовал, но, скорее всего, это вымышленный персонаж. Напомним читателям, что жертвы Тодда исчезали через вращающийся люк, ведущий в подвал его дома. Обыскав и раздев убитых, Тодд передавал их тела в распоряжение миссис Ловегг, которая жила через стену и держала пирожную лавку, где не было отбоя от посетителей. Однажды случилось так, что с поставкой товара ненадолго возник перебой, потому что у Тодда по некоторым причинам не было возможности отправлять на тот свет собственных клиентов. Тогда для пирожков пришлось задействовать натуральную баранину. Сразу же стали поступать жалобы на качество пирожков, которое заметно ухудшилось, ибо мясо утратило привычный вкус и аромат.

В одном никогда не печатавшемся манускрипте¹¹⁴, написанном около 1625 года братом Генри Перси, девятого графа Нортумберлендского¹¹⁵, Джорджем Перси, который дважды был заместителем губернатора Вирджинии — в рукописи, озаглавленной «Правдивое изложение обычных событий и чрезвычайных происшествий, имевших место в Вирджинии с 1609 по 1612 год», приводятся подробности об ужасающих условиях, в которых приходилось жить первым американским колонистам. Иногда поселенцы сталкивались с голодом, и тогда не только выкапывали из могил трупы, поедая их, но «один из наших поселенцев убил свою жену... и засалил ее себе на пропитание, и это не обнаруживалось до тех пор, пока он не съел часть ее тела, за какой жестокий и бесчеловечный поступок я приговорил его к смертной казни, причем признание в преступлении было вырвано у этого человека под пытками: его подвесили за большие пальцы рук, тогда как к ногам привязали груз, и так преступник висел четверть часа, пока не сознался в содеянном».

Часто встречаются исторические свидетельства о том, как во время длительных ужасных осад несчастные жители осажденных городов испытывали голод и были вынуждены питаться человечинной. Один из таких примеров можно найти в Библии, где рассказывается об ужасах, которые творились, когда Иерусалим взяли в кольцо войска сирийского царя Венадада. Это происходило при правлении царя Иорама в 892 году до н. э. (4 Цар., VI, 24—30). «Congregavit Benadad rex Syriae, uni-yersum exercitum suum, et ascendit, et obsidebat Samariam. Factaque est fames magna in Samaria: et tamdiu obsessa est, donec venundaretur caput asini octoginta argenteis, et quarta pars cibi stercoris columbarum quinque argenteis. Cumque rex Israel transiret per murum, mulier quaedam exclamavit ad eum; discens: Salva me domine mi rex. Qui ait: Non te salvat Dominus: unde te possum salvare? de arca, vel de torculari? Dixitque ad eum rex: Quid tibi vis? Quae respondit: Mulier ista dixit mihi: Da fili-um tuum, ut comedamus cum hodie, et filium meum comedemus cras.

Coximus ergo filium meum, et comedimus. Dixique ei die altera: Da filium tuum ut comedamus eum. Quae abscondit filium suum. Quod cum audisset rex, scidit vestimenta sua, et transibat per murum, Viditque omnis populus cilicium, quo vestitus erat ad carnem intrinsecus» («После того собрал Венадад, царь Сирийский, все войско свое и выступил, и осадил Самарию. И был большой голод в Самарии, когда они осадили ее, так что ослиная голова продавалась по восьмидесяти сиклей серебра, и четвертая часть каба голубиного помета — по пяти сиклей серебра. Однажды царь Израильский проходил по стене, и женщина с воплем говорила ему: помоги, господи мой царь. И сказал он: если не поможет тебе Господь, из чего я помогу тебе? с гумна ли, с точила ли? И сказала ей царь: что тебе? И сказала она: эта женщина говорила мне: «отдай своего сына, съедим его сегодня, а сына моего съедим завтра». И сварили мы моего сына, и съели его. И я сказала ей на другой день: «отдай же твоего сына, и съедим его». Но она спрятала своего сына. Царь, выслушав слова женщины, разорвал одежды свои: и проходил он по стене, и народ видел, что вре-тище на самом теле его»).

У. А. Ф. Браун, одно время возглавлявший в Шотландии комиссию по делам умалишенных, представил очень ценный документ под названием «Некрофилия», который был прочитан в Глазго на ежеквартальном собрании медико-психологической ассоциации 21 мая 1874 года. В документе говорится, что в период жестокого правления королевы Елизаветы, когда роскошные пастбища были превращены в выжженную пустыню, «несчастные бедняки, похожие на обтянутые кожей скелеты, из всех лесных уголков и горных долин выползали на тощих руках, ибо ноги их уже не держали. Голоса их походили на стоны привидений в склепах; эти люди ели падаль — если им еще выпадало счастье ее найти; более того, они вскоре начинали поедать друг друга; доходило до того, что они безжалостно выкапывали трупы из могил». Каппиализм процветал, когда император Тит осадил Иерусалим, и в период эпидемии чумы в Италии в 450 году. В XI веке во время голода во Франции «на рыночной площади города Тур открыто выставляли на продажу человечину». Один человек построил хижину в лесу Масон и в ней убивал всех, кого ему удавалось хитростью заставить переступить порог его дома, а затем он жарил трупы и питался ими. Браун сообщает также, что в Вест-Индии ему стало известно о двух женщинах, которые по ночам заходили на кладбище. Вроде бы они не выкапывали там трупы, но просто спали среди могил, и эти непопятные прогулки, как можно было ожидать, нагоняли панический страх на местных жителей. Браун приводит и такой пример: «Последние пристанища мертвых посещали и оскверняли; выкопанные трупы похитители целовали, гладили, ласкали и уносили к себе домой, даже если это были остатки совершенно незнакомых людей». А вот и еще одна интересная деталь: «В бытность студентом мне часто приходилось проходить практику в психиатрических лечебницах, и меня просто поражало, какое огромное количество анемичных, пребывающих в состоянии тяжелой депрессии женщин навязывало мне свои признания в том, что они питались человечинной, пожирали трупы, что они вампиры и т. д., и т. п.» Доктор Лэгранд дю Солль говорит, что у многих членов одной шотландской семьи обнаружилась врожденная тяга к некрофагии¹¹⁶. Прохазка упоминает о жительнице Милала, которая заманивала в свой дом детей и на досуге их поедала. Есть описание одной четырнадцатилетней девочки родом из Пуи де Дром, которая неоднократно демонстрировала необычное пристрастие к человеческому мясу; она любила пить кровь из свежих ран. Разбойник Гаэтано Маммоне, долгое время терроризировавший Южную Италию, имел обыкновение высасывать кровь из ран своих несчастных пленников¹¹⁷. Есть еще пример, когда один человек, живший отшельником в пещере на юге Франции, задушил в свое логово двенадцатилетнюю девочку, задушил ее, совершил половой акт с трупом, а затем, сделав на мертвом теле глубокие надрезы, стал пить кровь покойницы и пожирать ее плоть. Суд признал его невменяемым¹¹⁸.

В XVI веке в Венгрии жила ужасная особа, настоящая людоедка — графиня Елизавета Батори, прославившаяся своими некрофагическими мерзостями, за которые ее именovali не иначе, как «кровожадная венгерская графиня». De lugubre memoire* граф Шаролэ (1700—1760) ничто так не любил, как разбавлять убийствами свои сексуальные дебоши, и многие самые мрачные сцены в «Жюльетте» являются лишь воспроизведением тех оргий, которые граф устраивал совместно со своим старшим братом, герцогом Бургундским.

* Недоброй памяти (фр.)

Доктор Лакассань в своем исследовании «*Vacher l'éven-treur et les crimes sadiques*» («Вашэ-потрошитель и садистские преступления»). Лион — Париж, 1899) собрал многочисленные примеры некросадизма. Жозеф Вашэ, родившийся 16 ноября 1869 года в городе Бофор (департамент Изер), был виновен в целом ряде преступлений, продолжавшихся с мая 1894 по август 1897 года. В указанный период Вашэ стал скитаться по всей Франции — это началось сразу же после выхода его из психиатрической лечебницы (его выписали как излечившегося), куда он был упрятан за попытку изнасилования юной служанки, отказавшейся выйти за него замуж. Свое первое преступление из целой серии оп, видимо, совершил 19 мая 1894 года, когда в безлюдном месте убил молодую работницу 21 года от роду. Вашэ задушил девушку и затем изнасиловал мертвое тело. 20 ноября того же года в Видобане (департамент Вар) он задушил шестнадцатилетнюю дочь фермера, изнасиловал труп и искромсал его пожом. Таким же образом 1 сентября 1895 года в местечке Бенонс (департамент Эн) этот бандит убил шестнадцатилетнего парня, Виктора Порталье, и вспорол ему живот. Три недели спустя убийца задушил четырнадцатилетнего пастушка, Пьера Массо-Пелле, и изуродовал мертвое тело. Последним был убит тринадцатилетний подпасок Пьер Лоран; это произошло в Курзье (департамент Рона) 18 июня 1897 года. Тело мальчика было неопикуемо исколото и исполосовано пожом. Более чем в десятке подобных преступлений удалось доказать авторство Вашэ. Вероятно, этот маньяк был виновен. В гораздо большем количестве такого рода зверских убийств, которые остались нераскрытыми.

Англия еще не скоро оправится от потрясения, вызванного непостижимыми зверствами Джэка-Потрошителя. Первый труп был обнаружен в местечке Уайтчепел 1 декабря 1887 года, второй — с тридцатью девятью ранами — 7 августа 1888 года. 31 августа нашли жутко изуродованное женское тело, 8 сентября — четвертое тело с такими же отбитами, пятый труп обнаружили 30 сентября, шестой — 9 ноября. 1 июня 1889 года человеческие останки выловили в Темзе; 17 июля на еще теплый труп наткнулись в Уайтчепельских трущобах, а 10 сентября того же года было найдено тело последней жертвы.

Андреас Биккель убивал женщин, насилюя и уродуя их неопикуемым образом. Доктор Энолар, цитируя работу Фейербаха «*Achtenmoesigen Darstellung merkwuerdzer Verbrechen*», сообщает, что Биккель заявил: «*Je puis dire qu'en ouvrant la poitrine, j'étais tellement excité que je tressaillais et que j'aurais voulu trancher un morceau de chair pour le manger*» («Могу сказать: обнажив ей грудь, я испытал такое возбуждение, что мне захотелось отрезать кусочек плоти и съесть его»).

В 1825 году сборщик винограда по фамилии Леже, двадцатичетырехлетний здоровяк, ушел из дома в поисках работы. С неделю он бродил по лесам, и тут его страшно потянуло на человечину. «*Il rencontre une petite fille de douze ans, la viole, lui déchire les organes genitaux, lui arrache le coeur, le mange et boit son sang, puis enterre le cadavre. Arrete peu apres, il fait tranquillement l'aveu de son crime, est condamne et execute*» («Он встречает двенадцатилетнюю девочку, насилюет ее, изрезает ей гениталии, вырывает ей сердце, съедает его и пьет ее кровь, после чего закапывает труп. Будучи затем арестован полицией, спокойно сознается в своем преступлении; ему выносят смертный приговор и приводят его в исполнение»)¹¹⁹.

А вот и еще знаменитый пример: Винченцо Верцени¹²⁰, некрофаг и некросадист, родившийся в Боттануко, в большой и убогой семье, и арестованный в 1872 году за следующие преступления: попытка задушить свою двенадцатилетнюю двоюродную сестру Марианну, аналогичная попытка задушить двадцатисемилетнюю синьору Аруффи, аналогичная попытка в отношении синьоры Талы, убийство Джованни Моггы (у трупа вырваны внутренности и гениталии, иссечены пожом ляжки, отрезана икра одной из ног, труп раздет догола), убийство и расчленение двадцативосьмилетней синьоры Фрицони, попытка задушить свою девятнадцатилетнюю кузину Марию Превитали. В процессе совершения этих преступлений «*pour prolonger le plaisir il mutila ses victimes, leur suca le sang, et detacha meme des lambeaux pour les manger*» («для prolongирования удовольствия убийца кромсал пожом свои жертвы,пил их кровь и даже вырывал из тела куски мяса, которые пожирал»).

Подобные вампирические зверства обычно классифицируются как некрофилия и некросадизм: «*La necrophilie est la profanation qui tend a toute union sexuelle avec le cadavre: coit normal et sodomitique, masturbation, etc, Le necrosadisme est la mutilation des cadavres destinee a provoquer un*

erethisme genital. Le necrosadisme diffère du sadisme en ce qu'il ne recherche pas la douleur, mais la simple destruction d'un corps humain. Le necrosadisme aboutit parfois à des actes de cannibalisme qui peu-vent prendre le nom de necrophagie... Necrophiles et necrosadiques sont la plupart du temps des dégénérés impulsifs ou débiles mentaux, ce que prouvent leur vie antérieure et leurs tares héréditaires. Ce sont en outre bien souvent des hommes auxquels un contact professionnel avec le cadavre a fait perdre toute répugnance (fossoyeurs, prêtres, étudiants en médecine)».

(«Некрофилия — это надругательство над умершими, предполагающее вступление во всякого рода сексуальные отношения с трупами: половой акт — обычный или апатальный и т. д., и т. п. Некросадизм — это нанесение трупам тяжких телесных повреждений с целью достичь сильного эротического возбуждения. От традиционного садизма некросадизм отличается тем, что последний направлен не на причинение боли, а просто на разрушение человеческого тела. Некросадизм нередко приводит к актам каннибализма, которые могут обозначаться термином «некрофагия»... Некрофилы и некросадисты большую часть времени пребывают в состоянии буйного помешательства или слабоумия, что подтверждается их прошлым и дурной наследственностью. Но с другой стороны, некрофилия и некросадизм часто встречаются среди тех, кому по долгу службы приходится регулярно иметь дело с трупами, к которым эти люди в конце концов теряют всяческое отвращение (могильщики, священники, студентки - медики)»).

Термин «некрофилия», видимо, впервые предложил в XIX веке бельгийский психиатр доктор Гислен; термин «некросадизм» стал использовать доктор Эполар.

Некрофилия была известна еще в Древнем Египте, и против нее принимали самые тщательные меры предосторожности, как сообщает Геродот (книга II, LXXXIX): («Жен знатных людей и красивых женщин передают в руки бальзамировщиков не сразу, а лишь на третий-четвертый день после смерти. Это делается для того, чтобы бальзамировщики не могли вступать в половые сношения с трупом. Ибо рассказывают, что один бальзамировщик был застигнут во время совокупления с только что скопчавшейся красавицей — на него донос папарник»).

Говорят, что коринфский тиранин Периандр, убив свою жену, решил еще раз возлечь с ней на ложе и выступить в роли мужа. У Дамхоудера в книге «Praxis Rerum Criminalium», написанной в конце XIV века можно прочесть следующее: «Casu incidit in memoriam execrandus ille libidinis ardor, quo quidam feminam cognoscunt mortuam» («Случайно вспомнилась эта отвратительная страсть похотливая, когда некую женщину умершую познали»).

Различными авторитетами собрано множество примеров некрофилии, из которых здесь достаточно привести лишь несколько случаев. «En 1787, pres de Dijon a Citeaux, un mien aicul, qui n'tait medecin de cette celebre abbaye, sortait un jour du convent pour aller voir, dans une cabane situee au milieu des bois, la femme d'un bucheron que la veille il avait trouvee mourante. Le mari, occupe a de rudes travaux, loin de sa cabane, se trouvait force d'abandonner sa femme qui n'avait ni enfants, ni parents ni voisins autour d'elle. En ouvrant la porte du logis, mon grand-pere fut frappe d'un spectacle monstreaux. Un moine quieteur accomplis-sait l'acte du coit sur le corps de la femme qui n'était plus qu'un cadavre» («В 1787 году в деревне Сито, близ Дижона, мой дед, работавший врачом в этом знаменитом аббатстве, однажды вышел из монастыря, чтобы в хижине, расположенной посреди леса, навестить пациентку — жену лесоруба, которую накануне он видел фактически уже умирающей. Мужу, занятому на своей тяжелой работе, пришлось оставить жену в одиночестве: рядом не было ни детей, ни ее родителей, ни соседей. Открыв дверь лачуги, мой дед был поражен чудовищным зрелищем. На теле уже умершей женщины лежал охваченный страстью монах, завершавший половой акт с трупом») ¹²¹.

В 1849 году сообщалось о следующем случае: «Il venait de mourir une jeune personne de seize ans qui appartenait a une des premieres familles de la ville. Une partie de la nuit s'était ecoulee lorsqu'on entendit dans la chambre de la morte le bruit d'un meuble qui tombait. La mere, dont l'appartement etait voisin, s'empessa d'accourir. En entrant, elle appercut un homme qui s'echap-pait en chemise du lit de sa fille. Son effroi lui fit pousser de grands cris qui reunirent autour d'elle toutes les personnes de la maison. On saisit l'inconnu qui ne repondait que confusement aux questions qu'on lui posait. La premiere pensee fut que c'était un voleur, mais son habillement, certains signes dirigerent les recherches d'un autre cote et Ton reconnut bientot que la jeune fille avait etc desforcee et pollucee plusieurs fois. L'instruction apprit que la garde avait etc gagnee a prix d'argent: et bientot d'autres revelations prouverent que ce malherceux, qui

avait reçu une éducation distinguée, jouissait d'une très grande aisance et était lui-même d'une bonne famille n'en était pas à son coup d'essai. Les débats montrèrent qu'il s'était glissé un assez grand nombre de fois dans le lit de jeunes filles mortes et s'y était livré à sa détestable passion» («Только что скончалась юная особа, шестнадцатилетняя девушка, принадлежавшая к одной из знатнейших в городе семей. Ночь была уже на исходе, когда в комнате усопшей раздался грохот — рухнула какая-то мебель. Мать покойной, чья комната была по соседству, тут же примчалась на шум, ворвалась внутрь и увидела, как в дверь выскользнул незнакомый мужчина в ночной рубашке ее дочери. От ужаса дама испустила душераздирающий вопль, на который сбегались все домочадцы. Незнакомца схватили; на вопросы он отвечал, но как-то сбивчиво и туманно. Первым делом подумали, что это грабитель, однако его обличение и еще кое-какие признаки заставили повести расследование в ином направлении. Выяснилось, что юную покойницу дефлорировали, совокупившись с трупом несколько раз. Следствие выявило, что сиделка была подкуплена, и вскоре очередные разоблачения подтвердили, что этот несчастный, будучи человеком весьма состоятельным, родившимся в приличной семье, получившим изысканное воспитание и отличное образование, тем не менее, не в первый раз занимается столь постыдным делом. В ходе судебного разбирательства было установлено, что подследственному ранее неоднократно удавалось проскользнуть в постель к юным покойницам, где он и давал выход своей отвратительной страсти») ¹²².

В 1857 году всеобщее внимание привлек случай некрофила Александра Симсона, родившегося в 1829 году. Он был несчастным подкидышем, который всегда был слабоумным и в конце концов пришел к полному помешательству. Этот тип отличался крайне отвратительными привычками. «Simeon, trompant la surveillance, s'introduisait dans la salle de morts quand il savait que le corps d'une femme venait d'y être déposé. Là, il se livrait aux plus indignes profanations. Il se vanta publiquement de ses faits» («Симсон, узнавая, что в морге только что выставили очередной женский труп, обманывал охрану и пропикал в мертвецкую. Там этот человек приступал к самым мерзким надругательствам над мертвым телом. Симеон публично похвалялся своими «подвигами») ¹²³.

Доктор Морель в «Gazette hebdomadaire de médecine et de chirurgie» («Еженедельная медицинская и хирургическая газета») за 13 марта 1857 года рассказывает: «Un acte semblable à celui de Simeon a été commis à la suite d'un pari monstrueux, par un élève d'une école secondaire de médecine, en présence de ses camarades. Il est bon d'ajouter que cet individu, quelques années plus tard, est mort aliéné» («Поступок, похожий на действия Симсона, был совершен в результате заключения чудовищного пари одним студентом медицинского училища в присутствии его друзей. Остается добавить, что через несколько лет этот человек скончался в психиатрической больнице»).

Доктор Моро из города Тур в своем знаменитом исследовании «Aberrations du sens génésique» («Половые извращения», 1880) со ссылкой на газету «Evenement» («Эвенман») за 26 апреля 1875 года рассказывает о необычном случае, произошедшем в Париже. Обвиняемый Л., главный герой происшествия, был жепатым человеком и отцом шестерых детей. Когда умерла жена одного из его соседей, Л. вызвался дежурить в комнате усопшей, пока семья занималась деталями подготовки к погребению. «Alors une idée incompréhensible, hors nature, passa par l'esprit du veilleur de la morte. Il souffla les bougies allumées près du lit, et ce cadavre, glacé, raidi, déjà au décomposition fut le proie de ce vampire sans nom» («И тут разумом дежурившего у постели покойницы овладела непостижимая, противосъестественная идея. Он задул свечи, горевшие у кровати, и холодный, застывший труп на грани разложения стал добычей этого вампира»). Надругательство почти сразу же вскрылось благодаря тому, что постель покойной была в беспорядке и еще по кое-каким признакам. Л. бежал, однако по настоянию доктора Пуссона и мужа покойной, обезумевшего от горя и гнева, его арестовали и начали следствие. A quel délire a-t-il obéi? (Какое умопомрачение толкнуло его на это?)

Альбер Батай в книге «Уголовные и гражданские дела» («Les causes criminelles et mondaines», 1886) приводит рассказ об Анри Бло, «un assez joli garçon de vingt-six ans, à figure un peu blême. Ses cheveux sont ramenés sur le front, à la chien. Il porte à la lèvre supérieure une fine moustache soigneusement effilée. Ses yeux, profondément noirs, enfoncés dans l'orbite, sont clignotants. Il a quelque chose de félin dans l'ensemble de la physionomie; quelque chose aussi de l'oiseau de nuit. Le 25 mars, 1886, dans la soirée, entre 11 heures et minuit Blot escalade une petite porte donnant dans la cimetière

Saint-Ouen, se dirige vers la fosse commune, enlève la cloison qui retient la terre sur la dernière bière de la rangée. Une croix piquée au-dessus de la fosse lui apprend que le cercueil est le corps d'une jeune femme de dix-huit ans, Fernande Mery, dite Carmanio, figurante de théâtre, enterrée la veille.

Il déplace la bière, Touvre, retire le corps de la jeune fille qu'il emporte à l'extrémité de la tranchée, sur le remblai. Là, il pose, par précaution, ses genoux sur des feuilles de papier blanc enlevées à des bouquets et pratique le coit sur le cadavre. Ensuite, il s'endort probablement, et ne se réveille que pour sortir du cimetière assez à temps pour ne pas être vu, mais trop tard pour replacer le corps» («достаточно красивом парне двадцати восьми лет, с бледноватым лицом. Волосы зачесаны на лоб челкой. У него запавшие глаза, необыкновенно черные и блестящие. В целом, в его лице есть что-то от кошки и одновременно — от почной иглицы. 25 марта 1886 года, между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи Бло перелезает через дверцу ограды кладбища Сент-Уан, направляется к братской могиле, приподнимает персборку, отделяющую от земли последний в этом ряду гроб. По кресту у подножия братской могилы Бло узнает, что в этом гробу тело молодой женщины, восемнадцатилетней Фернанды Мери по прозвищу «Карманио», театральной фигурантки, похороненной накануне.

Бло вытаскивает гроб, открывает его и достает оттуда тело девушки, которое относит на край ямы и кладет на насыпь. Там молодой человек становится на колени, предусмотрительно подложив под них листки белой бумаги из-под букетов, и совершает с трупом половой акт. Затем, вероятно, ложится спать и просыпается лишь тогда, когда пора уходить с кладбища, и удаляется достаточно рано, чтобы его не заметили, но слишком поздно, чтобы успеть вернуть труп на место»). Любопытно, что, когда осквернение было обнаружено, один человек по фамилии Дюамель прислал письмо, в котором признался, что это он совершил данное осквернение. Дюамеля заключили в тюрьму в Мазасе, поскольку он сообщил такие подробности преступления, что следователи действительно поверили в его виновность. Однако два врача, обследовавшие Дюамеля, установили, что он невменяем. 12 июня Бло снова аналогичным образом осквернил могилу, после чего заснул. Его застigli на месте преступления и арестовали. 27 августа, когда началось судебное разбирательство, и судья выразил свой ужас перед действиями обвиняемого, Бло равнодушно возразил: «А чего вы хотите у каждого свои пристрастия. Мое это трупы!» Доктор Мотэ не смог признать его невменяемым, и Анри Бло приговорили к двум годам тюрьмы. Доктор Тибериус из Афин рассказал о следующем случае. Лет семь назад один студент-медик проник в часовню для отпевания усопших, где лежало тело только что скончавшейся красавицы-актрисы, которую собирались готовить к похоронам и к которой студент испытывал безумную страсть. Осыпая холодный труп жаркими поцелуями, преступник совокнулся со своей мертвой возлюбленной. Следует отметить, что на трупе было роскошное одеяние, усыпанное драгоценностями, — именно в таком виде усопшую собирались нести в похоронной процессии.

Говорят, что некрофилия — привычное явление в некоторых странах Востока. «En Turquie, dans les endroits ou les cimetières sont mal gardés, on a souvent vu, paraît-il d'objets individuels, la lie du peuple, contenter sur les cadavres qu'ils exhumaient leurs desirs sexuels» («В Турции, в тех местах, где кладбища плохо охраняются, будто бы часто видели, как отдельные гнусные личности, подонки, используют эксгумированные трупы в качестве объекта удовлетворения своих сексуальных желаний»).

Дело Виктора Ардиссона, которого в газетах называли «Le vampire du Muu» («вампир из Мюи») и которого арестовали по многочисленным обвинениям в эксгумации трупов и совокуплении с ними, подробнее исследовал доктор Эполар. Он вынес следующее заключение: «Ardisson est un débile men-tale inconscient des actes qu'il accomplit. Il a violé des cadavres parce que, fossoyeur, il lui était facile de se procurer des apparences de femmes sous forme de cadavres auxquels il prêtait une sorte d'existence» («Ардиссон — это безумец, не ведающий, что творит. Он насиловал мертвых, ибо в роли могильщика ему было легко добывать себе подобия женщин в виде трупов, которым он обеспечивал некую видимость существования»)¹²⁴.

В деле Леопольда и Лоуба мотивом преступления, совершенного в 1924 году в Чикаго и широко обсуждавшегося по всей Америке, был некросадизм. Совершив убийство несчастного мальчика, эти два жалких дегенерата надругались над мертвым телом. Уместно будет заявить, что источником этого отвратительного преступления стала ложная философия. Денег у преступников было в избытке,

сознание их было замутнено отголосками учения Фрейда, и два молодых супермена почувствовали себя выше всех законов. Эти юнцы уже испытали всю гамму эротических впечатлений, чувства их уже притупились, и захотелось чего-то новенького, чтобы как-то расшевелить свои истощенные нервы. Поток всех этих низостей и мерзостей можно было бы пресечь, вернувшись к истинной философии, к профессиональным знаниям схоластов, преподавателей и врачей.

Небезызвестны — и в действительности не так уж редки — поразительные примеры того, что можно было бы назвать «воображаемой некрофилией». Подходящие условия для ее сеансов специально создают в самых дорогих, избранных номерах.

В своем исследовании «La corruption Fin-de-Siecle» («Конец века: всеобщее разложение») Лео Таксиль отмечает: «Une passion sadiste des plus effrayantes est celle des detraques auxquels on a donne le nom de «vampire». Ces insenses veulent violer des cadavres. Cette depravation du sens genesique, dit le docteur Paul Morcau de Tours constitue le degre le plus extreme des deviations de l'appetit venerien» («Одно из самых ужасных садистских пристрастий — это пристрастие тех ненормальных, которых окрестили «вампирами». Этим безумцев обуревают желание насиловать трупы. Подобное половое извращение, по словам доктора Поля Моро из Тура, представляет собой крайнюю степень отклонения в сфере сексуальных потребностей»). Он сообщает также, что в некоторых борделях нередко имеются «chambres funebres» («похоронные комнаты»). «D'ordinaire, on dispose, dans une piece de l'establissement des tentures noires, in lit mortuaire, en un mot, tout un appareil lugubre. Mais l'un des principaux lupanars de Paris a, en permanence, une chambre speciale, destinee aux clients qui desirent later du vampirisme.

Les murs de la chambre sont tendus de satin noir, parsemi de lamelles d'argent. Au milieu est un catafalque, tres riche. Une femme, paraissant incite, est la, couchee dans un cercueil decouvert, la tete reposant sur un coussin de velours. Tout autour, de longs cierges, plantes dans de grandes chandeliers d'argent. Aux quatre coins de la piece, des urnes funeraires et des cassolettes, brulant, avec des parfums, un melange d'alcool et de sel gris, dont les flammes blafardes, qui eclairent le catafalque, donnent a la chair de la pseudo-morte la couleur cadaverique.

Le fou luxurieux, qui a paye dix louis pour cette seance, est introduit. Il y a un prie-dieu ou il s'agenouille. Un harmonium, place dans un cabinet voisin, joue le Dies irae ou De Profundis. Alors, aux accords de cette musique de funeraillies le vampire se rue sur la fille qui simule la defunte et qui a ordre de ne pas faire un mouvement, quoiqu'il advienne» («Обычно в одной из комнат есть сооружение, запавешенное черной материей, т. е. своеобразное «ложе для покойницы» — словом, все атрибуты траурной обстановки. Но один из главных парижских домов терпимости располагает специальной комнатой, предназначенной для клиентов, желающих испытать, что такое вампиризм.

Стены помещения обиты черной атласной тканью, расшитой серебряным бисером. Посреди комнаты возвышается весьма роскошный катафалк. Там, в открытом гробу, лежит женщина без признаков жизни. Голова ее покоится на бархатной подушке. Вокруг расставлены длинные восковые свечи в больших серебряных подсвечниках. Во всех четырех углах стоят погребальные урны, а также курильницы, в которых вместе с благовониями горит смесь спирта и поваренной соли. Их тусклое пламя, освещающее катафалк, придает телу лжепокойницы трупный цвет.

Впускают сластолюбивого сумасброда, заплатившего за этот сеанс десять луидоров. Перед катафалком стоит скамеечка для молитвы, на которой клиент преклоняет колени. В соседнем кабинете фисгармония начинает играть «Dies irae» или «De Profundis». Как только раздаются эти похоронные аккорды, «вампир» падается на девицу, которая изображает уснувшую и которой велено не шевелиться, что бы ни случилось»¹²⁵.

Весьма разумно было бы предположить, что катафалк, гроб, черная траурная материя призваны настраивать на торжественный лад и убивать желание, однако в определенных кругах все это погребальное великолепие, напротив, считается самым элегантным возбуждающим средством, самым испытанным и сильнодействующим из всех изысканнейших афродизиаков.

¹ «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его». (Матф., XXVI, 41).

² См. Sinistrari, «De Daemonialitate»; XXIV (Синистрари, «О демонизме английский перевод осуществлен пишущим эти строки: «Demoniality», Fortu Press, 1927, pp. 11—12) — то место, где говорится о совокулении ведьм с демоном, присваивающим человеческое тело.

³ «Энеида», II, 794. Вергилий повторяет эту строку («Энеида», VI, 702).

⁴ Лк, XXIV, 39.

⁵ P. W. Hofmayr, «Religion der Schilluk» (П. В. Хофмайр, «Религия шиллуков»

⁶ «Journal of the Anthropological Institute»; Rev. J. Roscoe, «Notes on the Manners and Customs of the Baganda» (Преподобный Дж. Роскоу, «Записки о нравах и обычаях народа баганда»), XXXI (1901), p. 130; XXXII (1902, p. 46; and «The Baganda» («Баганда»), London, 1911.

⁷ Hermann Rehse, «Kiziba, Land und Leute» (Герман Реше, «Кизиба: земля и люди»), Stuttgart, 1910.

⁸ Gouldsbury and Sheane, «The Great Plateau of Northern Rhodesia» (Гоулдсбери и Шип, «Великое плато Северной Родезии»), London, 1911, pp. 80).

⁹ Missionar J. Irlc, «Die Herero, ein Beitrag zur Landes-Volks-und-Missionskunde», Guetersloh, 1906, p. 75 (Миссионер И. Ирлс, «Народ гереро: доклад о стране, людях и миссионерской деятельности среди них», Гютерсло, 1906, с. 75).

¹⁰ «South African Folk-Lore Journal», Cape Town, 1879, I, «Some Customs of the Ovaherero», pp. 64, sqq. («Саут-Эфрикэн Фольклор Джорнэл», Кейптаун, 1879, т. I, «Некоторые обычаи овахереро», с. 64).

¹¹ Hermann Toenjes, «Gvamboland, Land, Leute, Mission», Berlin, 1911, pp. 193—197 (Герман Тенъес, «Овамболанд: страна, люди, миссия». Берлин, 1911, с. 193-197).

¹² «Another Grey Ghost Book» («Еще одна Книга Серого Призрака»).

¹³ Rev. Henry Callaway, «The Religious System of the Amazulu», Natal, Springvale, etc.; 1868—1870, Part II, pp. 144—146 (Преподобный Генри Кэллэуэй, «Религиозная система народа зулу», Наталь, Спрингвэйл и т. д. Часть II, 1868—1870, часть II, с. 144—146).

¹⁴ Нильское племя динка, обитающее в долине Белого Нила, считает эту великую сущность, Дендита, своим предком и, соответственно, приносит ему жертвы в воздвигнутых в его честь святилищах.

¹⁵ «The Baganda», London, 1911, p. 271 («Баганда», Лондон, 1911, с. 271).

¹⁶ A. Kropf, «Die religioesen Anschauungen der Kaffern», Verhandlungen der Berliner Gesellschaft fuer Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, 1888, p. 46 (А. Кропф, «Религиозные воззрения кафров». Заседания берлинского общества антропологии, этнографии и первобытной истории, 1888, с. 46).

¹⁷ R. H. Nassau, «Fetichism in West Africa», London, 1904 (Р. Х. Нассау, «Фетишизм в Западной Африке», Лондон, 1904).

¹⁸ Pere Guis, «Les Nepis ou Sorciers», Missions Catholiques, XXXVI (1904), p. 370. And M. J. Erdweg, «Die Bewohner der Insel Tumbleo, Berlinshafen, Deutsch-Neu-Guinea», Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, XXXII (1902), p. 287 (Отец Ги, «Непи, или колдуны». Католические миссии, XXXVI, 1904, с. 370). А также М. И. Эрдвэг, «Жители острова Тумлео, Берлинхафен, Германская Новая Гвинея». Сообщения антропологического общества в Вене, XXXII 1902, с. 287.

¹⁹ Professor J. J. M. de Groot, «Religious System in China», Leyden, 1882. (Профессор И. И. М. де Гроот, «Религиозная система Китая», Лейден, 1882).

²⁰ J. Welhausen, «Reste Arabischen Heidentumes», Berlin, 1887. (И. Вельхаузен, «Остатки

арабского язычества», Берлин, 1887).

²¹ Сервий ссылается на «Эпиду» (V, 77—79):

*Там, возлиянья творя, две чаши вакховой влаги
Чистой и столько же чаш молока и крови священной
Он пролил, и, цветы разбросав пурпурные, молвил:...*

(Перевод С. Ошерова).

У этого комментатора есть и другая ссылка на «Энеиду» (III, 66—68):

*Пенные чаши несут с парным молоком и сосуды
С жертвенной кровью мужи, и в последний раз громогласно
Все зывают к нему, схоронив его душу в могиле.*

(Перевод С. Ошерова)

²² Ср. «Книга Бытия», IX, 4, и I Царств (Книга пророка Самуила), XIV, 33.

²³ См. также «Версию Дуэ» и «Каноническую Версию».

²⁴ X, 487 и XI. Этот отрывок подробно разбирается в главе III настоящего издания.

²⁵ Иеремия, XVI, 6.

²⁶ Иеремия, XLI, 5.

²⁷ Pierre de Labriolle, «Histoire de la Litterature Latine Chretienne»; Paris, 1920, Tableau No. 7 (43) (Пьер де Лабриоль, «История христианской литературы на латыни», Париж, 1920, Обзор № 7(43)).

²⁸ Migne (Минь), «Patrologia Latina», vol. XXIV, column 782.

²⁹ Ср.: горе Анны в связи со смертью царицы Дидоны («Энеида», IV, 673):

В кровь расцарапав лицо, кулаками в грудь ударяя.

³⁰ «De Getarum (Gothorum) Origine et Rebus Gestis» («О происхождении и деяниях племени готов»), ed. Theodor Mommsen, Berlin, 1882, p. 124.

³¹ Есть знаменитый пример такого рода, связанный с папой Инноксигием VIII. Как сообщает Инфессура, когда папа лежал при смерти, к нему явился некий врач-еврей и предложил излечить его, сделав ему переливание свежей, молодой крови. Для подобного эксперимента выбрали трех молодых, пышущих здоровьем парней. Каждому из них заплатили по одному дукату. «Et paulo post mortui sunt; ludacus quidem aufugit, et Papa non sanatus est» («Вскоре все трое юношей скончались; означенный иудей бежал, а папа так и не выздоровел»).

³² F. Bonney, «On some Customs of the Aborigenes of the River Darling, New South Wales». Journal of the Anthropological Institute. XIII, 1884, p. 132 (Ф. Бонней, «О некоторых обычаях аборигенов долины реки Дарлинг. Новый Южный Уэльс». Журнал антропологического института, XIII, 1884, с. 132).

³³ Не может быть никаких сомнений в том, что путем срезания волос рассчитывали помочь больному восстановить жизненную энергию и поправиться. У многих народов волосы считалисьместилищем силы. Ср. историю Самсона и Далилы.

³⁴ Etymologic Woerterbuch des Slav. spr. (Этимологический словарь славянских языков).

³⁵ Эсхил, «Семеро против Фив», 820—821:

*Да, город цел. Но кровь его правителей,
Друг друга погубивших, вся в песок ушла.*

³⁶ Аристофан, «Осы», 1502.

³⁷ 1.447.

³⁸ Между тем, согласно древним географическим представлениям, Океан сам по себе является рекой, тогда как Гомер считал его великой рекой, омывающей земной диск и вскакающей в саму себя, и Океану даются все эпитеты, характерные для реки.

³⁹ Abbott, «Macedonian Folklore», p. 217 (Эббот, «Македонский фольклор», с. 217).

⁴⁰ Geographica, ed. Casaubon, p. 19.

⁴¹ Apud Schweighauser, «Epictetoc Philosophicoc Monumenta», vol. III.

⁴² В древних рукописях встречается и другая форма.

⁴³ 77, E. Platonis Opera, «recognovit Ioannes Buenct», vol. I.

⁴⁴ Bernard Schmidt, «Das Volksleben der Neugriechen», p. 159.

⁴⁵ Lawson, «Modern Greek Folklore», (Лоусон, «Современный греческий фольклор»), p. 159.

⁴⁶ Ralston, «Songs of the Russian People» (Рэлстон, «Песни русского народа»), p. 409.

⁴⁷ Стоит вспомнить историю зверски убиенного Пелопса, которого его отец Тантал зажарил и подал богам в качестве пирашественного блюда. Боги, однако, поняли, в чем дело, и только Деметра, поглощая скорбью по своей пропавшей дочери Персефоне, не заметила и съела плечо зажаренного юноши. История эта происходит из Элиды. Боги оживили парня, и Деметра тогда заменила ему недостающее плечо другим, сделанным из слоновой кости. Эту реликвию принято было демонстрировать в Элиде еще в древности, и Плиний сообщает: «Et Elide solebat ostendi Pelopis costa, quam eburneam adfirmabant» («В Элиде имели обыкновение показывать ребро Пелопса, утверждая, что оно из слоновой кости»). «Historia Naturalis», XXVIII, 4, vij, ed. Gabriel Brotier, Barbou, 1779, vol. V, p. 112. Слово «costa» в данном отрывке вполне можно понимать в значении «плечо» и «бок». Но Бротье приводит глоссу: «Pelopis costa. Corrupte». In MSS. Reg. Pelopis ostilium: in editione principe, Pelopis hasta. Emendavere recentiores, Pelopis costa. Legendum potius, Pelopis scapula. Est enim teste Vergilio.

Georg, III, 7. («В первом издании было написано: «копьё Пелопса, а издатели исправили на «ребро Пелопса», Лучше читать «плечо», чему свидетель Вергилий»). («Георгики», III, 7)):

*...Пелоп, с плечом из кости слоновой
Копище:лихой...*

Можно предположить, что в первом издании «копьё» употреблялось как метафора пеписа; подобные «воспные» сравнения встречаются нередко. См. у Авзония, «Scuto nuptialis», 117, «Intorquet summis adnexus viribus hastam» («Мечет муж ссй копьё, все силы напряжи»).
⁴⁸ Это поверье присуще, видимо, преимущественно Элиде. Curtius Wachsmutt, Das alte Griechenland im Neuen, p. 117.

⁴⁹ Слово Vampyrus не упоминают ни Дю Каяк, ни Форчеллини, изд. Forlanetto & De-Vit, 1871; нет этого слова и в «Petit Supplement» Шмидта, 1906.

⁵⁰ 1586-1669.

⁵¹ Relation de ce qui s'est passe de plus remarquable a Sant-Erini Isle de rArchipel, depuis l'etablissement des Peres de la compagnie de Jesus en icelle, Paris, MDCLVII.

⁵² Imprimatur, Hie Liber cui Titulus, The present State. Car. Trumball Rev. in "Christo Pat. ac Dom. Gul. Archiep. Cant, a Sac. Dom. Ex Aed. Lamb, 8 Feb, 1678—1689. Term Catalogues; Easter (May), 1629.

⁵³ Рор также написал в соавторстве с Иоганном Генрихом Румпелем работу De Spiritibus in fodinis apparentibus, seu de Virunculis metallicis; видимо, первое ее издание -г- ин кварто, 1668, но я видел только ее лейпцигское издание 1672 года и переиздание 1677 года.

⁵⁴ 8vo, 1739. Он написал также «Phiksophicac et Christianac Cogitationis de Vampiris», 1739.

⁵⁵ Я пользовался изданием «Nouvelle edition revue, corrigee et augmentee par l'auteur», 2 vols., Paris, chez Debure l'aine, 1751.

⁵⁶ Vol. II, p. 2.

⁵⁷ Его жизнь описал Гьадиус (in Mai, Bibliotheca Nova Patrum, VI, Рим, 1853; см. также Legrand, «Bibliographic hellenique du XVII siecle», Paris, 1893).

⁵⁸ «Scuto circumdabit te verjtas eius: non timebis a timore nocturno. A sagitta volante in die, a negotio perambulante in tenebris: ab incursu, et daemonic meridiano». Psalm XC.

⁵⁹ Автор неизвестен.

⁶⁰ В Греции в наши дни похороны обычно закапываются тем, что собравши

еся у могилы участники погребения распределяют между собой куски вареного мяса и вино; порцию пищи и папиров оставяют в стороне — для усопшего. Не редко дело не ограничивается легкой закуской, и у кладбища разворачивается сцена весьма основательной трапезы. Следующий за ней ужин дома с родственниками и друзьями — носит название «утешительная трапеза» или «согревающая трапеза».

⁶¹ Рассуждение об искушении Господа Нашего. *Homilia XVI in Evangelium.*

⁶² Подобные явления дело весьма нередкое. См. Faber, «The Foot of the Cross, or The Sorrows of Mary» (Фабер, «У подножия креста, или Скорбь Марии»), пятое издание, 1872, с. 209; Le Vicomte Hippolyte de Gouvello, «Apparitions d'une arae du Purgatoire en Bretagne» (Виконт Ипполит де Гувелло, «Явления одной души из чистилища»), Tequi, Paris, четвертое издание, 1919, возможно, прочтете не без пользы для себя. Данте говорит («Чистилище», XI, 34—36):

*Чтоб эти души, в легкой чистоте,
Смыв принесенные отсюда пятна,
Смогли подняться к звездной высоте...*

(Перевод М. Лозинского)

⁶³ У. У. Стори в «Roba di Roma» отмечает: «Субботу итальянцы считают счастливым днем как день Пресвятой Девы». В субботу всегда светит солнце — пусть даже выглянет лишь на мгновение. Орландо Пещетти в книге «Итальянские пословицы» (Orlando Pescetti, «Proverbi Italiani!», 12мо), Венеция, 1603, пишет: «Ne donna senza amore ne Sabbato senza sole» («Нет женщины без любви, нет Субботы без солнца»). Аналогичная пословица есть у испанцев, а один из французских стихов гласит:

Словно летом, зимой не было субботы такой, чтобы солнышко не высунуло носик свой.

Авейрон в своей книге «Сельскохозяйственные пословицы и поговорки Франции» (Aveyron, «Proverbes et Dictons Agricoles de France», 12мо, Paris, 1872) приводит по этому случаю некоторые поговорки. На Золотом Берегу, Мез (Маас) говорят так:

*Солнце, по своему предпочтению
в субботу выказывает почтение.*

А вот еще одна поговорка:

*Нет субботы без солнечного света,
нет старушки без доброго совета.*

⁶⁴ The Glories of Mary. «Practices of Devotion... Fourth Devotion, of Fasting» (Триумфы Марии. «Практика религиозных обрядов... Четвертый обряд — соблюдение поста»).

⁶⁵ «De Passione Domini» («О страстях Господних»), с. II.

⁶⁶ Abbot, Macedonian Folklore, pp. 221—222.

⁶⁷ См. Ф. Краусс, «Вампиры в южнославянских поверьях» («Vampyre im suedslavischen Volksglauben», Globus, LXI, 1892, с. 326). Автор говорит, что в некоторых районах Боснии есть такой обычай: когда крестьянки приходят в чей-либо дом, чтобы выразить соболезнование в связи со смертью кого-то из близких хозяина, они засовывают себе за платок веточку боярышника, а уходя из этого дома, выбрасывают цветок на улицу. Считается, что вампир будет столь поглощен складыванием вместе листочков боярышника и собиранием почек, что просто не сможет последовать за женщинами в их дома.

⁶⁸ 1526—1585. См. G. Dejob, Marc-Antoine Muret, Paris, 1881.

⁶⁹ «Historia Naturalis», VII, liii, 52.

⁷⁰ За 31 октября 1885 года, с. 841.

⁷¹ с. 80.

⁷² Horace Welby, «The Mysteries of Life and Death» (Хорас Уэлби, «Тайны жизни и смерти»).

⁷³ В книге мопсильора Бенсона «Веяние» («A Winnowing», 1910) Джек Уэстон умирает и возвращается к жизни. Однако смерть героя аннулировала его брачный союз — момент, которого автор не учел.

⁷⁴ Купер, «Неопределенность признаков смерти» (Cooper, «The Unxertainty

of the Signs of Death»).

⁷⁵ Второе издание Уолтера Хэдвена, дотора медицинских наук (Second Edition by Walter R. Hadwen, M. D., London, 1905).

⁷⁶ «La mort apparente» («Явная смерть»), p. 16.

⁷⁷ *Lancet*, 22nd December, 1883, pp. 1078—1080.

⁷⁸ с.65.

⁷⁹ «De Anima» («О душе»), V.

⁸⁰ Поскольку этот день — праздник св. Мартина, то в некоторых мартирологах поминовение св. Иоанна Подателя милости переносится на 23 января, в Других — на 3 февраля, а в третьих — на 13 июня. У греков 11 ноября — праздник св. Меласа, поэтому праздник св. Иоанна перенесен на следующий день.

⁸¹ Родился около 345, скончался в 339 году. Один из наиболее значительных писателей-аскетов четвертого века. Его работы можно найти в издании: Migne, «Patrologia Graeca», XL. Следует, однако, заметить, что св. Иероним (Epistola 133 ad Ctesiphontem, n. 3) обвиняет его в заблуждениях, связанных с ориентацией на идеи Оригена и объявляет его предтечей Пелагия.

⁸² Св. Вавила, епископ Антиохии, вместе с другими христианами пострадал во время гонимий Деция в 250 году. Место его погребения весьма почиталось. Цезарь Галл выстроил в честь мученика церковь в Дафне, дабы положить конец всяческим мерзостям и демонизму местного храма и оракула. После того как останки святого были перенесены в новый храм, оракул Аполлона перестал действовать. Когда Юлиан-отступник обратился к своему языческому богу, то не получил никакого ответа. В последующие годы святые мощи Вавилы перенесли в Кремону. Праздник его отмечается 24 января, а у греков — 4 сентября.

⁸³ Эфраим Антиохийский сменил Евфрасия в качестве патриарха в 527 году. Отличился как один из защитников веры на Халкидонском соборе в 451 году, выступив там против монофизитов. Большинство из его сочинений утеряно. Скончался в 545 году.

⁸⁴ Первое издание: Froulon du Due in Auctarium biblioth. patrum, II, 1057—1159, Paris, 1624. Гораздо лучше издан этот текст у Котелье в Ecclesiae Graecae Monumenta, II, Paris, 1681; перепечатка этого издания: Migne, Patres Graeci, LXXXVII, iii, 2851—3112; Минь в «Patres Latini», LXXXII, 121—240, воспроизводит также латинскую версию Блаженного Амброджо Траверсари, впервые опубликованную в Венеции, 1475, и в Виченце, 1479.

⁸⁵ Edward Kinesman, «Lives of the Saints», 1623, p. 591.

⁸⁶ Есть два святых с одним и тем же именем. У греков обоих поминают 19 января. В католических мартирологах поминовение св. Макария Александрийского — 2 января, а св. Макария Египетского — 15 января.

⁸⁷ Mgr. Guerin, «Les Petites Bollandistes», vol. I, 2 января.

⁸⁸ Издаю Марольдом (Marold) в Bibliotheca Trobneriana, Leipzig, 1886 и Хюмером (Huemmer) в Corpus Scriptorum ecclesiasticorum latinorum, Вена, 1891.

⁸⁹ 15 мая 334.

⁹⁰ Данная работа, возможно, не подлинная. Migne, «Patres Latini», XIX, p. 381. (Appendix ad opera Iuvenci).

⁹¹ Арндт и Круш (Arndt, Krusch), Scriptores Regnum Merovingianum in Monumenta Germ. Hist. (1884—1885), I, pt. I, pp. 1—30.

⁹² Есть стихотворение Гёррьс де Дюма (Guerric de Dumast) «Могила двух влюбленных из Клермона», 1836.

⁹³ Vol. III, p. 476.

⁹⁴ 387—493.

⁹⁵ В английских мартирологах день поминовения св. Мэлора значится 3 января, хотя святой был убит 1 октября, именно об этой дате говорится у монаха монастыря Сен-Жермен де Пре по имени Усуардус, который умер в 876 году. Лучшее издание работ Усуардуса: Солериус, Амстердам, 1714—1717. Праздник св. Мэлора — 3 октября, возможно, в связи с тем, что 1 октября — праздник св.

Реми. Хотя я привел старинную английскую легенду, возможно, что св. Мэлор; был родом из Бретапи, а не из Корнуолла. Имется упоминание о том, что «епископ Корнуайский» (в Бретапи) является покровителем, преданным св. Мэлору. Усыпальница св. Мэлора находится в местечке Лапмер, милях в десяти от Морлэ. Он похоронен в склепе этой церкви, там же почитают его статую. Не может быть сомнений в том, что бесценные останки святого были переданы в Эймсбери, и в «Житиях святых Бретапи» («*Les Vies des Saints de la Bretagne*») мы читаем: «Много раз останки св. Мэлора передавались то одной-, то другой церкви по их требованию — в Орлеан, в Мо (каноникум Нотр-Дам де Шэ), в Англию (в одну из монастырей Эймсбери) и т.д.». На одной из колош церкви в Эймсбери имется фреска с изображением св. Мэлора. Этой конкретной информацией я обязан викарию Эймсбери. См. «Паломничество к усыпальнице св. Мэлора». "Valence, 1885.

⁹⁷ Дюшен относит жизнь св. Павла к четвертому или к шестому веку.

⁹⁸ Это чудо послужило темой для прекрасной картины Помаранчо в капелле церкви Кьеза Нуова, Сайта Мария Валличелла. Комната (превращенная ныне в молельню), где чудо произошло, находится на втором этаже Палаццо Массимо. 16 марта в «Диарио Романо» появилось сообщение: «*Nella chiesa entro il palazzo Massimo al Corso Vittorio Emanuele festa di Fiippo Neri, in memoria del miracolo col quale il santo fece ritornare in vita Paolo Massimo (1583)*».

⁹⁹ Петра — помпальный центр епископской епархии Палестрина Терция. В седьмом веке город был процветающим монастырским центром, но в торговом отношении он уже тогда пришел в упадок.

¹⁰⁰ Его жизнь описана св. Григорием Турским. Дата его смерти не определена. Галезиний относит ее к 524 году, но это может быть и неверно. Некоторые галльские мартирологи датируют ее 535 годом, однако св. Григорий Лапгрский присутствовал в том году на Клермонском соборе, а в 538 году его заместитель, священник Эвапгий, подписал указы третьего Орлеанского собора. Тем не менее, поскольку св. Григорий Лапгрский не появился на четвертом Орлеанском соборе в 541 году и не отправил туда заместителя, вероятно, что место представителя этой епархии на соборе было вакантно в связи с его кончиной.

¹⁰¹ Он принял мученическую смерть 8 мая 1079 года и был канонизирован в 1253 году.

¹⁰² Pedro de Ribadeneira, S. J., *Flos Sanctorum*.

¹⁰³ Фра Палеотти, «Житие св. Катарини Болонской» (*Fra Paleotti, O. M., «La vita di S. Catarina di Bologna*»). Я часто приходил поклониться по-прежнему нетленному телу св. Катарини, покоящемуся в женском монастыре клариссинок в Болонье.

¹⁰⁵ *La Santa di Firenze da una Religiosa del duo Monastero, Firenze, 1906* («Флорентийская святая, жизнеописание, составленное монахиней ее монастыря», Флоренция, 1906). Нетленные мощи св. Маддалены де Пацци покоятся сейчас под Высоким Алтарем женского монастыря кармелиток на Пьяцца Савонарола во Флоренции.

¹⁰⁶ Eraulard, «*Le Vampirisme*», pp. 4—5.

¹⁰⁷ Говорят, одного слепого старика отождествляли с Хэйром. Он какое-то время состоял на попечении прихода в Лондоне, откуда его отправили, поскольку он был уроженцем Карлингфорда (графство Лаут), в рабочий дом в Килхил (графство Даун); там он и закончил свой век, будучи похоронен среди других нищих в «Уоркхауз Бэнкс». Могилы обычно смотрят на восток и запад, но могилу Хэйра, как говорят, по указанию врача, вырыли по направлению север — юг. Это признак бесчестья. Считается несчастьем быть похороненным на северной стороне погоста, которая называется дьявольской стороной, как сообщает Роберт Хатт в своей книге «Народные выдумки Запада Англии, или Шутки, предания и суеверия старого Корнуолла» (*Robert Hunt, «Popular Romances of the West of England, or the Drolls, Traditions and Superstitions of Old Cornwall*», London, 8vo, 1865). Уже отмечалось, что могилы, обращенные на север и юг, встречаются в Коудене (Кент) и Бергхолте (Саффолк); рассказывают, что это могилы самоубийц.

¹⁰⁸ Fr. Boas, «*The Social Organization and the Secret Societies of the Kwakiutl Indians*», Report of the U. S. National Museum for 1895, Washington, 1897, pp. 610 and 611 (Ф. Боас «Социальная структура и тайные общества индейцев ква-

киутль». Отчет Национального музея США за 1895 год, с. 610 и 611.

¹⁰⁹ G. M. Dawson, Report on the Queen Charlotte Islands, Montreal, 1880, pp. 125B.128B.

¹¹⁰ Torquemada, «Monarquia Indiana» (Торквемада, «Индийская монархия»), lib. X. c. 14, vol. II, pp. 259 seq., Madrid, 1723. См. также Brasseur de Bourbourg, «Histoire des Nations civilisees du Mexique et de l'Amérique Centrale», Paris, 1857-1859. vol. III, pp. 510-512.

¹¹¹ Спенсер и Гиллен, «Северные племена Центральной Австралии» (Spencer and Gillen, «Northern Tribes of Central Australia», pp. 473—475).

¹¹² Богэ, «Рассуждения о колдунах» (Boguet, «Discours des Sorciers», с. XLVII. Lyons, 1603, p. 163).

¹¹³ A. Moll, «Recherches sur la «libido sexualis», Berlin, 1898, p. 701.

¹¹⁴ From Petworth House, Sussex. In Sothesby's sale, 23 and 24 April, 1928.

¹¹⁵ 1564—1632.

¹¹⁶ «Essai sur l'anthropophagie», par M. le Dr. Legrande du Saulle. Annales Medico-Psychologiques, 3ème Series; t. VIII, p. 472, juillet, 1862.

¹¹⁷ William Hilton Wheeler, «Brigandage in South Italy», 1864.

¹¹⁸ «Causes Celebres», Paris, t. VII, p. 117.

¹¹⁹ Georget, «Examen medical des proces criminels des nommes Leger», etc., 1825.

¹²⁰ Cesare Lombroso, «Verzeni e Agnoletti» (Чезаре Ломброзо, «Верцени и Аньолетти», Рим, 1873). Есть и более свежее исследование Паскуале Понга «Половые извращения в человеке и Винченцо Верцени, душитель женщин» («I pervertimenti sessuali nel uomo e Vincenzo Verzeni, strangolatore di donne»).

¹²¹ Michea, «Union medical», 17 juillet, 1849.

¹²² Briere de Boismont: Gazette medicale, 21 juillet, 1849.

¹²³ Baillanger, «Rapport du Dr. Bedor de Trypes», Bulletins de l'Academie de medicine, 1857.

¹²⁴ «Vampirisme», pp. 20—28.

¹²⁵ 6ème mille, pp. 236—245. Можно сказать, что свидетельства Таксила не внушают доверия. Но только не в данном случае. Кроме того, его заявления находят широкую поддержку среди других авторов.